

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ТЕРРИТОРИЯ ДРАКОНА

Annotation

Таланты и инициативность Томаса Брейна смешивают планы высокого начальства. В результате — далекая ссылка, небольшая полицейская должность и невыполнимое задание нового руководства, пожелавшего преподать новичку урок.

Но энтузиазм и активность Брейна на новом месте нарушают политический баланс между мафией и прикормленной полицией. За ним начинается слежка, он заводит отношения со сногшибательной красавицей, на него готовят покушение, однако герою грозит кое-что пострашнее.

Что же может спасти в такой ситуации? Только опыт, крепкий кулак и стрельба навскидку.

Алекс Орлов

Территория дракона

© Орлов А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Местечко называлось Янгус и располагалось на вершине заросшего молодым лесом холма.

Прежде здесь было какое-то медицинское подразделение, но затем его расформировали, а в освободившихся зданиях организовали нечто вроде пересыльного пункта, куда Брейна и доставили.

Условия были неплохие: чистая комната на четверых, койка без одеяла и подушки — как тут и принято, трое соседей, туалет и душ в коридоре.

Соседи — два канзаса и гоберли — оказались немногословны. Они лишь кивнули при первом знакомстве с Брейном и этим ограничились. Впрочем, и между собой они тоже не разговаривали — даже канзасы.

В этом не было ничего удивительного, поскольку из этого отстойника быстро набирали команды, которые отправлялись по назначению. Вот и Брейну уже через сутки после прибытия предложили начать прием специальных то ли лекарств, то ли восстановительных средств. При этом еды ему больше не давали и, пропустив пару приемов пищи, он уже был готов съесть сколь угодно плохой батончик, однако и этого не было.

Врач-суперколвер, который осматривал его едва ли не каждые восемь часов, сказал: — Дружочек, вам нужно кушать агриколу и готовиться к переходу.

Брейн поначалу не придавал значения тому, что ему сказал медик, — в последнее время поступало слишком много новых и неожиданных вводных, часть из которых впоследствии отменялась. Но тут волей-неволей ему пришлось сконцентрироваться на словах врача, поскольку он был переведен в группу, состоящую из полутора десятков обитателей жилого корпуса. Эту группу водили в медпункт, в то время как вновь прибывающие отправлялись кушать в столовую.

Пока новички набивали животы батончиками, Брейну и остальным из группы предлагали кушать белую, похожую на глину массу — и это вместо приема пищи.

На все вопросы ответ был один:

— Это необходимо для перехода.

При этом если другие хоть как-то с этой «белой глиной» справлялись, то Брейна после первого же приема едва не вырвало.

Впрочем, санитары, если можно было так назвать двух крепких канзасов, тотчас сделали ему болезненную инъекцию в плечо, после чего его мучило уже не так сильно и он сумел проглотить всю выданную порцию «глины».

Поначалу Брейн надеялся, что после этого им все же дадут еды, ведь лечение лечением, а обед должен быть по расписанию и теперь он не отказался бы от самых безвкусных «палок», которые раньше казались ему пластиковыми поделками. Однако в еде отказали.

— Дайте хотя бы попить! — требовал он, и его даже похвалили за настойчивость, как какого-нибудь бунтующего в дурдоме пациента.

— Вы хотите пить? — с улыбкой уточнил у него санитар.

— Да, я хочу этого долбаного мусса хотя бы! — настаивал Брейн. Вколотая накануне инъекция делала его бодрым и активным.

— Почему «хотя бы»? — уточнили санитары.

— Потому что я хочу воды!

На это санитары только посмеялись, решив, что пациент шутит. Однако его требование не осталось без ответа, и ему вынесли голубоватую маслянистую жидкость, которую Брейн с готовностью выпил, однако она не принесла никакого облегчения, поскольку, как и агрикола, не имела ни вкуса, ни запаха.

Целые сутки ему пришлось принимать «белую глину» и запивать ее голубоватой жидкостью. Все это, конечно, притупляло голод, иногда даже подавляло совсем, но оставалось какое-то напряжение во всем теле, которое протестовало против такого обмана.

Тело понимало, что пожрать ему не дают и только имитируют чувство сытости.

После такой кормежки Брейн держался от общества в стороне и не был склонен к общению, однако общество между собой также не особенно контактировало — все глотали «белую глину», морщились, но глотали. А врач при каждой встрече продолжал говорить им:

— Молодцы, кушайте еще. Агрикола перед переходом вам очень нужна. Вы меня еще благодарить будете.

Поскольку остальные терпели — терпел и Брейн. И еще трое суток поглощал эту массу. Между тем количество потребителей агриколы росло и вскоре перед медпунктом стали выстраиваться целые очереди.

Едва его группа выходила из медпункта, туда тотчас заходила следующая. И так весь день, из чего следовало, что на перевалке действовало поточное производство.

Осознав это, Брейн перестал опасаться, что его тут отравят — такая мысль время от времени посещала его, сказывалась странная диета.

На четвертые сутки, когда он чувствовал, что начинает превращаться в подобие зомби, удалось наладить контакт с одним из участников его группы. Это был рослый суперколвер со шрамом на щеке, и это казалось странным, поскольку обычно со шрамами ходили только гоберли и канзасы. Почему-то они считали, что это выглядит как какие-то боевые награды.

Суперколверы же старались использовать пластическую хирургию для того, чтобы избавиться от каких бы то ни было следов полученных ими ранений. Однако этому было все равно, и, на взгляд Брейна, он выглядел уже немолодым.

— Ну что, парень, давай поговорим? — предложил суперколвер сам, поймав на себе взгляд Брейна, когда они выходили после очередной процедуры.

Обоих немножко подташнивало.

— Давай поговорим, — согласился Брейн. — Все же мы знакомы уже достаточно долго по местным меркам.

Суперколвер сдержанно засмеялся, поддерживая живот, поскольку неизвестно было, какова будет реакция «белой глины».

— Ты правильно заметил, что долго здесь никто не задерживается — на то он и распределительный пункт. Нас сейчас расфасуют и разбросают на дальние дистанции.

— А эта белая дрянь — что это такое? — спросил Брейн.

— Ты первый раз? — слегка удивился суперколвер.

— Да, представь себе, никогда не жрал ничего хуже.

Суперколвер снова захихикал, все так же придерживая живот.

— Дело в том, парень, что нас будут перебрасывать на очень далекие расстояния, а для этого нужно совершать нефрагментированные прыжки, понимаешь?

— Нет, — ответил Брейн, он на самом деле плохо соображал.

— Ну, если мы останемся как есть с брюхом, набитым всяким прелестями, которыми нас кормят, нас может как максимум разорвать и как минимум будем блевать кровью, что

закончится плохо. А те, кто после этого выживет, не будут годны ни к какой военной службе. Теперь понимаешь?

— Да, теперь понимаю, — кивнул Брейн.

— Ну вот, для того, чтобы нас сохранить и доставить быстро, нас фаршируют этой агриколой, а потом, как мороженое мясо, скачком отправят к месту. При этом даже транспорт, который будет нас доставлять, пилотируется автопилотом.

— Почему? — спросил Брейн.

— Потому, что таких перегрузок никакой пилот не выдержит, а если и выдержит, то не сможет пилотировать адекватно — ты уж мне поверь.

— Так ты пилот? — спросил Брейн.

— Да, я пилот, приятель. И пилотировал все подряд — толстозадые грузовики и перехватчики.

— Так ты, наверно, офицер?

— Майор.

— Майор, а как ты здесь оказался?

— А ты как здесь оказался?

— Ну, я вообще не гражданин Империи. Я хотел стать им и отправился на сложные задания. И вот теперь, как я понимаю, мне пошли навстречу и я буду служить, может быть, в строевых войсках.

— Ты дурачок, — сказал майор.

— Это почему я дурачок? — сыграл дурачка Брейн.

— Да, потому, что от тебя просто избавились.

— Ну хорошо, от меня и избавились, а ты майор и пилот. От тебя почему избавились?

— Я тоже стал неудобен. Задавал много вопросов, лез не в свои дела.

— А почему ты лез не в свои дела?

— Да потому, что служу давно и все уже порядком надоело. Хочется чего-то новенького, а ничего нового нету. Одна и та же дребедень — перехваты, стрельба. Вот я и полез не в свое дело, а начальство меня перебросило.

— И в который раз? — улыбнулся Брейн.

— Я вижу, ты уже разгадал меня.

— Да это несложно, майор. Стало быть, тебя будут перебрасывать уже не первый раз, и везде ты ни с кем не можешь ужиться?

— Представь себе — нигде я ни с кем не могу ужиться. В смысле с начальством. А они перебрасывают меня все дальше. И вот теперь меня совсем лишили авиации, снова отправили в активный резерв и теперь уже в Пехотный Комитет, а это хуже некуда. Буду доматывать служебный возраст в какой-нибудь дыре в немыслимом качестве.

— Правильно ли я понял тебя, майор, что нас, как какой-нибудь товар, утрамбуют поплотнее в транспорт и спящими отправят до места?

— Ты понял правильно. Как тебя зовут вообще?

— Я — Томас.

— Отлично, Томас. Прибавь еще воинское звание.

— Вроде бы сержант.

— Так вот, вроде бы сержант. Ты совершенно прав — я много где не уживался. Мне давали под зад три раза, и теперь я буду совершать следующий прыжок. Я прекрасно научился глотать эту, как ты называешь, белую глину, и мы накопили ее в себе уже

достаточно, а значит, скоро нас перебросят туда, где, как я надеюсь, мне будет весело.

— Ну что же, я к этому готов, — сказал Брейн.

— К этому все готовы.

— Кстати, а как ваше имя, сэр? — спросил Брейн.

Суперколвер улыбнулся.

— Давно не слышал такого обращения? — спросил Брейн.

— Да, — кивнул собеседник.

— Стало быть, у вас давно уже нет майорских погон?

— О да — майорских погон давно нет. Ну да ладно, главное, что мы познакомились, ведь правда?

— Да, сэр. Честно говоря, я здесь немножко устал от такой молчаливой политики. Все молчат и жрут эту дрянь.

— Это означает только то, что все эти бойцы жрут агриколу не первый раз.

— Наверное, я единственный, кто делает это впервые.

— Получается, что так.

— Ну и скажите, сэр, когда же мы отправимся?

— Я думаю, повеселимся еще пару суток, и когда станем едва переставлять ноги, нас запихнут на эти полки.

— Полки, сэр? — переспросил Брейн.

— Да, именно так выглядят изнутри трюмы, в которых перевозят живой товар. Много высоких полок с ячейками — туда нас и будут трамбовать. Ты, когда тебе инъекцию сделают, засунь руки в карманы штанов поглубже.

— Зачем?

— Затем, что запихивать тебя в эти ячейки будет робот и ему по барабану, если у тебя будут торчать руки, ноги или другие какие-то конечности. Сломает и точка.

— Спасибо за совет, сэр.

После этого разговора, как и предполагал майор, Брейн еще двое суток плохо спал и был вынужден глотать «белую глину», чувствуя, что с каждой порцией его сознание затуманивается и он становится куском этой «белой глины».

Ничто его уже не интересовало, ничто не манило, ничто не имело для него никакого значения. Брейн превратился в полное ничто, которое можно было запихивать на высокие полки и везти очень-очень далеко.

День отправки он помнил плохо. Это было какое-то мигание света, какие-то команды здешнего распорядителя. Брейну было совершенно все равно, кто здесь командует и куда его гонят. И вот, наконец, грохот закрываемой створки — это единственный момент, который он запомнил, когда оказался в полнейшей темноте. Еще побаливало правое плечо, куда вонзилась молния инъекции, отбросившая его в жесткий сон.

И он с готовностью провалился в этот сон и проспал, как ему показалось, целый год. Может, так и было на самом деле, но когда он очнулся, чувствовал себя совершенно разбитым.

Болели руки, ноги, в голове стоял звон. Брейн не понимал, где находится, однако его стали энергично приводить в чувство, сделав для начала инъекцию какого-то мощного стимулятора.

От него у Брейна тотчас пробудились ощущения и некоторые воспоминания.

— Помнишь, кто ты, парень? — крикнул ему какой-то канзас и врезал ладонью по лицу.

Левая щека загорелась.

— Ты помнишь, кто ты, придурок? — снова прокричал канзас и опять отвесил пациенту пощечину. Похоже, у них тут был дефицит времени.

Брейн отрицательно покачал головой. Какие-то воспоминания были, но отчего-то ему казалось, что это не о нем.

Тут он увидел перед собой другого канзаса.

— Ну, узнаешь меня? — спросил тот и засмеялся.

— Нет, — сказал Брейн, и почему-то это еще более развеселило санитаров.

— Тогда поехали, приятель! — воскликнул канзас, и тут Брейн как будто взлетел и летал очень долго, а потом жестко приземлился на каталку. И когда она уже покатила, до него дошло, что это лишь платформа с колесиками и он никуда не летал.

Почему-то сейчас это казалось Брейну важным.

Коляска докатилась до какого-то предела, и его стряхнули в трубу, прокатившись по которой он свалился в бассейн с водозаменителем.

Помимо него в этом бассейне уже копошилось не менее полутора десятков других пациентов, с которыми он вместе летел в грузовике-этажерке и которые, как и он, претерпели те же ужасные переживания.

Глубина водозаменителя было метра полтора, и, распрямившись, Брейн нащупал ногами дно.

Кажется, в эту жидкость были добавлены какие-то медицинские препараты, Брейн ощутил, как все его тело начало покалывать холодными иголочками, и это бодрило: он чувствовал, как проясняется его сознание и улучшается зрение.

Да, теперь он видел намного отчетливее и осмысливал увиденное сразу, а не через какое-то время.

Брейн огляделся. Здесь было яркое освещение, а по краям бассейна стояли охранники или санитары — точнее определить он не мог.

Вокруг, словно бревна, плавали спасательные средства вроде больших поплавков с веревочными петлями, которые были необходимы тем, кто сильно ослаб и должен был за что-то держаться.

Вдруг на дальней стороне бассейна раздался крик, и сотрудники стали вытаскивать какого-то потерявшего сознание пациента.

Его вытащили на край, подбежали двое санитаров — гоберли и канзас, но едва склонившись над ним, они тотчас поднялись.

Еще двое подкатали коляску, забросили на нее тело и, выстрелив в него инъектором, куда-то укатали.

Наконец, после процедуры, которая хорошо отразилась на самочувствии Брейна, двое из наблюдавших за пациентами санитаров определили, что он уже в порядке, и помогли ему выбраться.

Он было хотел спросить, куда ему теперь идти, но его нагого посадили на каталку, и один из санитаров торопливо покати ее прочь.

Брейн уже был в состоянии соображать и вертел головой, разглядывая коридоры, по которым катил его санитар.

Было видно, что это строение помнило времена и получше, а теперь здесь все приходило в негодность — отслаивалась краска, отходили отделочные панели, на потолке проступали желтые пятна. Но везде было чисто.

После коридоров они оказались на воздухе, и дальнейший путь Брейна пролегал по бетонной дорожке.

Он продолжал смотреть по сторонам, пытаясь определить, где находится, но везде было одно и то же — одноэтажные постройки блочной конструкции, которые использовались во временных городках строителей или геологов. Городку было уже много лет, и повсюду были видны следы постепенного разрушения, которые тщательно ретушировались кем-то, кто присматривал за всем хозяйством.

Брейна довели до одного из корпусов, закатили внутрь, и вскоре он был доставлен в палату на четверых, где пока был первым.

— Ну что, парень, оклемался? — спросил его санитар, перед тем как оставить.

— О да, — ответил Брейн и даже улыбнулся.

— Ну, раз ты в порядке, прыгай на койку и пошуруй в тумбочках: там и одежда найдется, и белье, и ботинки универсальных размеров. А мне пора за следующим бежать. Ваших много понавозили, а персонала — негусто.

— Эй, а сколько наших привезли-то? — уточнил Брейн, в котором уже проснулся разведчик.

— Двести пятьдесят штук.

— Так вы нас штуками меряете?

— Пока непонятно, сколько оклемаются, — меряем штуками, — пояснил санитар и вышел вон.

Брейн сел на кровать нагой и огляделся. Что и говорить — обстановка была спартанской. Возле каждой кровати на раскладном металлическом стульчике лежала одежда — кеги, какое-то бельешко и комбинезон. Под стулом стояли ботинки — универсального размера, а в них носки.

Брейн уже примерял здесь такую обувь. Ботинки годились на любой размер: с тридцать седьмого до сорок седьмого. Если кому-то не подходили и такие, можно было обратиться к каптерщику или кастеляну.

Брейну все подошло. Открыв тумбочку, он обнаружил еще несколько комплектов белья, носков, гигиенические наборы со средствами для чистки зубов.

Один из них он взял и вышел в коридор, догадываясь, что где-то здесь должны находиться душевые, умывальники и туалет.

Чувствовал он себя хорошо, но вдруг на него накатила какая-то слабость, как будто кто-то ударил под колени.

Ухватившись за стену, Брейн сполз по ней на пол и сказал себе:

— Держаться, Томас... Держаться...

Вскоре силы вернулись к нему, и Брейн решил, что это остаточные явления от перенесенного перелета. Он даже не представлял, сколько они там отмахали и сколько по времени находились в полете.

Еще его интересовало, куда подевался майор, с которым они познакомились. Возможно, они летели в одном грузовике-этажерке, а возможно, в разных, двигавшихся в противоположных направлениях.

Вскоре Брейн обнаружил умывальник. Здесь было три раковины, а в углу две площадки с душем. Он повернул рычажный кран, и там, как и ожидалось, оказался водозаменитель — разумеется, не подкрашенный, простой. Однако водозаменитель имелся холодный и горячий.

Ну как горячий — градусов сорок примерно. Не более.

Впрочем, душ Брейна сейчас мало интересовал — он только что вылез из бассейна. Поэтому он лишь почистил зубы, посмотрел в зеркало на свое изможденное лицо и, потрогав слегка отросшую щетину, прикинул, что провел в пути суток трое — не более. Если, конечно, обмен веществ в полете был не замедленный.

Вернувшись к себе, он обнаружил, что еще две койки в комнате заняты доходягами — двое прикрытых простынями гоберли едва дышали.

Их лоб и глаза были закрыты приспособлениями, которые считывали медицинские показатели и в случае необходимости воздействовали на какие-то активные точки.

Брейн не представлял, насколько это эффективно, но если уж использовалось, значит, был смысл.

Едва он опустился на свою кровать, как открылась дверь и уже знакомый ему санитар вкатил на каталке еще одного пациента.

Это был канзас, и он выглядел неплохо, как и сам Брейн.

— Ладно, парень, можешь быть свободен, — сказал канзас санитару и, самостоятельно поднявшись из кресла, опустился на свободную койку.

— Привет, — сказал он Брейну, когда санитар вышел.

— Привет, я — Томас, а ты?

— Подожди-подожди, я еще должен прийти в себя, — сказал канзас и, морщась, попытался найти более удобное положение.

— А чего с тобой такое?

— Ой... Лучше не спрашивай... — покачал головой канзас, все еще пытаясь найти подходящее положение. — Они вкачали мне в задницу какой-то очиститель — ситуация того требовала, и я могу их понять. Так что изнутри я теперь, как заново рожденный. Вот только... — он снова поморщился. — Вот только задницу очень печет.

— Ну, задница дело наживное, скоро пройдет, — заверил Брейн, чтобы поддержать нового соседа.

— О да, разумеется. Только со мной эта оказия уже второй раз случается.

— Второй раз? А сколько же раз ты на прыжке?

— Третий, — ответил канзас и криво улыбнулся.

— Не уживаешься на местах? — угадал Брейн, помня майора-суперколвера.

— Да как тебе сказать... Просто какое-то невезение. И кстати, меня зовут Марк.

— Как того самого адмирала?

— Да, — согласился канзас. — Мне это много раз говорили. Имя, дескать, у тебя редкое. Быть тебе адмиралом.

— И что? Есть успехи?

— Да в том то и дело, что нет. Вот — качусь пока под уклон.

— Здесь будет кормежка? — спросил Брейн. — А то я уже чего-нибудь бы съел.

— А ты в толчок сходил?

— Нет.

— Пока в толчок не сходишь, тебя пожрать патруль не пустит.

— Но мне пока не хочется, — пожал плечами Брейн, на всякий случай прислушиваясь к своим ощущениям.

— Если остатки агриколы смешаются с питательными батончиками, брюхо прямо-таки разорвать может.

— Правда, что ли? — удивился Брейн, не зная, верить или нет.

С одной стороны, чепуха, а с другой — здесь все было иначе.

— Ну, не прямо там взрыв, конечно, — поправился канзас. — Но будешь так бегать, что...

И он снова пошевелился, выбирая новое положение.

Минуты две Брейн продолжал прислушиваться к своим ощущениям под сильные звуки тяжело дышавших гоберли. А канзас, вытянувшись на кровати, какое-то время лежал с закрытыми глазами, а потом вдруг сказал:

— Ладно, отставить переживания, Томас, это была шутка.

— Шутка?

— Да, шутка.

— Но... то количество глины, что я сожрал, куда оно подевалось?

— Глины?

— Ну это я агриколу так называю. Не могла же она куда-то подеваться? Значит, нужно, чтобы вышла, а я ничего такого не чувствую.

— Не переживай, я не особенно понимаю в науках, но когда нас, как консервы, протаскивают с сумасшедшей скоростью прыжка через все эти бескрайние расстояния, что-то там происходит, и глина эта, как это называется... Слово забыл... Ну, типа, как будто испаряется...

— Аннигилируется?

— Во! — воскликнул канзас. — Аннигилируется!

При этом он резко дернулся и доставил себе болезненные ощущения.

— Ну ладно. Раз тебе так приспичило пожрать — пойдем вместе, — сказал канзас и, закусив губу острыми, как у собаки, зубами, начал подниматься.

Брейн машинально потянулся, чтобы ему помочь, но тот сделал останавливающий жест.

— Не надо, я должен сам... Я должен сам...

В этот момент один из гоберли дернулся во сне и выпустил газы.

— О, этот парень идет на поправку! — сказал канзас Марк и, собравшись, резко встал на ноги. — Все, я готов.

— Думаешь они выкарабкаются? — спросил Брейн.

— За другого не скажу. Но этот выберется. Живой организм должен издавать звуки. Так-то вот.

— Да тот, второй, тоже вроде дышит.

— Вроде.

Несмотря на то что новому знакомому все еще было худо — Брейн это видел, канзас надел белье, комбинезон, ботинки и кепи. А поскольку в комнате не было зеркала, одернул на себе обмундирование и спросил:

— Как я выгляжу?

— Нормально.

— Ну тогда пойдем искать, где здесь кормят, — сказал Марк и первым вышел из комнаты. Брейн последовал за ним.

Они прошли коридор, вышли на воздух, и только тут Брейн обнаружил, что их городок был окружен заросшими лесом старыми горами, которые дотягивались своими вершинами до редких облаков.

— Ну и как тебе воздух?

— Ты не сказал, как тебя зовут.

— Что значит не сказал? Меня зовут Марк — я же представлялся.

— А мне показалось, ты соврал.

— Ну... да, я соврал, — признался канзас. — Меня зовут Ранжан.

Брейн пожал плечами и отвернулся.

— Ты что, опять не веришь?

— Это неважно. Мы же здесь ненадолго, — ответил Брейн, — однако Ранжан подходит тебе больше, чем Марк.

На том они и поладили.

— Как по твоим прежним прыжкам — сколько здесь проторчать можно? — спросил Брейн, когда они уже подходили к корпусу, который больше всего напоминал столовую.

— Ну, приятель, мы же товар, прибывший на склад. Скоро информация о нас разлетится по ближайшим покупателям. Они полистают досье и взвесят, нужен им тот или иной засранец, а потом решат — брать или не брать. А если брать, то на какие должности.

— Так уж прямо на должности?

— Ну так — с запасом, конечно, брать будут. Это же военная организация — тут все берут с запасом. Кого-то сразу на должность, другие пока за штатом морду отъедать будут.

— Как-то ты без энтузиазма...

— Да, мне уже не раз приходилось за штатом болтаться.

— И что — не понравилось?

— Я по натуре боец. Мне нужно сразу в центр событий, в противном случае тянет на всякие неуставные приключения, и потом бац — снова в резерв. А там и до прыжка недалеко. И опять печет задницу!

Тут канзас нервно расхохотался, и на них с Брейном стали посматривать те, кто шел в столовую или выходил из нее.

— В первый раз меня взяли через двое суток, второй раз — куковал две недели, в третий раз забрали через полтора суток, — успокоившись, продолжал разговор канзас.

— То есть понятной системы нет.

— Системы нет. Поэтому просто расслабься и ходи вовремя жрать. Кстати, в таких местах обычно кормят нормально. Не то чтобы офицерская пайка, но и не солдатская в какой-нибудь дыре.

— А какое у тебя звание? — спросил Брейн.

— А у тебя?

— Я сержант.

— И я сержант, — сказал канзас и вздохнул.

— А что — раньше был выше?

— Давай не вспоминать про раньше. Вон смотри, мы не туда идем. А столовка вон там, — сказал канзас, указывая новое направление.

— А как ты понял?

— Да там же тусовка. Неужели не заметно?

— Да какая тусовка? Всего с десятков бойцов.

— Так точно. Но пятерых старых видишь? Это местные выходят — отдуваются. А новички крутят бошками — они пока еще не привыкли, что тут да как.

— О да, теперь я начинаю понимать, — согласился Брейн.

Внутри столовой был полный порядок: стены носили следы недавнего ремонта. Разумеется, никаких разносчиков тут не было. Брейн с новым знакомым прошли к раздаче и, взяв какое-то количество батончиков, встали в очередь к печке, которая разогревала еду.

Очередь двигалась быстро — открыть дверцу, положить батончики, включить режим, и через десять-пятнадцать секунд можно было забирать свой заказ.

Разогрев еду, Брейн с канзасом прошли за длинный стол и сели в самом его конце. Они были единственные, кто общался между собой. Все остальные ели молча и в одиночестве.

В зале было около двадцати посетителей, и лишь двое были местными — в потертой, хорошо подогнанной робе, остальные прибыли с последними партиями и еще не пришли в себя после жестких условий путешествия.

Благополучно отобедав, Брейн и канзас вернулись в свой корпус, и к этому времени гоберли, тело которого, как заметил канзас, подавало звуки, уже сидел на своей койке и улыбался. А койка его соседа была пуста и заправлена свежей простыней.

Брейн хотел спросить оставшегося гоберли, куда делся второй, однако ему в голову пришло, что того могли увезти, пока этот спал.

— Привет, ребята! — бодро поприветствовал их гоберли. Было заметно, что кризис миновал и он чувствует себя неплохо.

— Привет, — отозвался Брейн. — Первый раз здесь?

— О да, первый раз. Где пожрать-то можно? Брюхо от голода подводит.

— Как выйдешь из корпуса, так прямо и дуй — двести метров и упрешься в столовку.

— Спасибо, братцы! — воскликнул гоберли и тотчас выскочил из комнаты.

— Эк его приперло, — заметил канзас, садясь на койку.

— А тебе-то тоже полегчало, — сказал Брейн, садясь на свою.

— Конечно, полегчало после горячих батончиков, — согласился канзас и погладил брюхо. — Но, честно говоря, даже не думал, что выйду из этого прыжка.

— А чего так?

— С предыдущего меня двое суток откачивали — лежал под системой. И не под такой, как эти вот, — канзас кивнул на койки, где прежде лежали гоберли. — А под настоящей — трубки, клизмы, все дела.

— И как же выкарабкался?

— Даже не знаю. Очнулся, вроде все в порядке, пришел в себя. А через двое суток уже к покупателю попал и сразу на задание.

— И что за задание?

— Лучше не спрашивай, — отмахнулся канзас. — В конце концов всем нам дали по башке, повезло, что двигались в конце колонны, потому и выжили.

— И что потом?

— И все потом. Чтобы про этот разгром много не болтали, снова раскидали всех уцелевших по отстойникам, промариновали пару месяцев в главном резерве — и опять прыжок.

— Лихо!

— Но я-то молчаливый был, решил — отправят так отправят, но там были и другие — особо шумливые. Писали, жаловались, требовали, чтобы их в регионе служить оставили.

— И что с ними?

— Кому пришили воинское преступление, а кого отправили на самые гиблые фронты.

Про Аларам слышал?

— Нет.

— Аларам, приятель — это такое место, где они прут и прут, а мы не знаем, что им противопоставить.

— А кто они-то?

— В том-то и дело, что непонятно. То они выглядят как какие-то белковые системы, то как аммиачные амебы, то как полевые структуры в пределах чувствительности аппаратуры.

— Ужас какой, — поразился Брейн. — И как же с такими воевать?

— Отводят уцелевшие войска, наносят огневой удар, потом биологическая очистка с перекрытием территории больше раз в десять. Потом химический контроль по всей площади, и после всего этого гарантированная пустыня на тысячу лет.

— И помогает?

— Да, говорят, на пару лет в этом месте затишье, а потом опять начинается.

— Но у вас же такие технологии...

— Да, с технологиями порядок. И специалисты имеются подходящие, но как только навезут аппаратуры и начинают понимать, с чем имеют дело, так эти твари — раз и меняют свое состояние.

— Ничего себе.

— Вот так, приятель. Но к чему все это я? А к тому, что, с кем хотят окончательно свести счеты и заткнуть окончательно, отправляют на этот фронт.

— Ладно, Ранжан, все-таки мы после обеда — давай закроем эти темы и подремлем, — предложил Брейн, вытягиваясь на кровати.

— Давай подремлем, — согласился канзас.

Вместо подушки Брейн приспособил стопку белья, найденную в тумбочке, и вскоре уснул. И ему снова приснился сон, где он оказался дома. Мало того, даже где-то в детстве.

Он бежал через поле, он видел цветы, там была собачка, о которой он мечтал, но ее у него так и не было. А потом все прервалось — и он погрузился в более глубокий сон.

Спали они часа два — два с половиной. Когда Брейн проснулся, канзас уже сидел на своей койке и о чем-то думал, глядя в стену.

— Ты как, выспался? — спросил он, заметив, что Брейн открыл глаза.

— Да, я в порядке, — сказал тот и потянулся.

— Ну и отлично, а то одному не хотелось на ужин идти.

— А что наш парень? — спросил Брейн, кивнув на гоберли, который еще спал.

— Наш парень будет долго отсыпаться, — заверил канзас.

Они сходили на ужин, отметили, что народу в столовой прибыло, и это означало, что все большее количество доставленных сюда пациентов приходили в себя.

На воздухе было много тех, кто прогуливался, дышал, другие играли в настольные игры. Приходя в себя, временные обитатели городка понемногу начинали общаться.

— Ну и как тебе здесь? — спросил канзас, когда они возвращались в корпус.

— Ты о чем? О горах? — Брейн огляделся. — Горы мне нравятся.

— Через пару дней, когда все только начнут привыкать, народ начнут раздергивать.

Правда, тут еще не все.

— Что значит не все?

— Некоторые не вытягивают такого путешествия — ты сам видел.

— Это ты про второго гоберли?

— Да.

— И что с ним?

— Процентом пятнадцать уже ни на что не годны. Они выживает, но им одна дорога — в дурдом.

— Да ладно, у вас же такие технологии...

— Опять ты про технологии. Ну да — их нормализуют. Это такая процедура. У нас в ведомственных дурдомах ее очень хорошо научились исполнять. Пять часов — и боец как новенький.

— Ну вот! — кивнул Брейн.

— Только это обновление работает в лучшем случае полгода.

— А потом?

— Потом на очередную нормализацию.

Вдруг канзас прервал свой рассказ, его песье лицо исказила гримаса ужаса, и, бросившись в сторону, он упал на траву, прикрыв голову руками.

Не успел Брейн как-то отреагировать на это, как в воздухе послышался рев, и над долиной, в которой размещался городок, прошла пара сверхзвуковых штурмовиков.

Брейн успел заметить, что они были обвешаны оружием, причем открытым — без обтекателей, что говорило о готовности к его немедленному применению.

В городке послышались крики, некоторые, как и канзас, зарылись в траву, кто-то забился в истерике.

Из медблока выскочили несколько санитаров и помчались к пострадавшим, на ходу вынимая экстракторы с большими дозами стимуляторов.

Между тем Ранжан тоже пришел в себя и поднялся на ноги, смущенно улыбаясь.

— Приобретенные навыки, так их разэдак... — сказал он, смахивая с новенькой робы

прилипшие травинки.

— Ничего, это хороший навык. Лучше лишний раз мордой в землю, чем попасть под разделку, — сказал Брейн.

— Согласен с тобой, камрад, — кивнул канзас.

— Одного я не могу понять, как ты сиганул в траву, когда еще не только видно, но даже слышно этих штурмовиков не было? — удивился Брейн, оглядываясь и замечая, как то тут, то там к медблоку торопливо катят коляски с теми, кто был совсем плох.

— Я и сам не знаю, — пожал плечами канзас, также следя за беготней санитаров. — Меня ребята в роте всегда индикатором звали. Если я мордой в грязь, так от меня волной и все остальные. А удар, прикинь, секунд через двадцать приходит. То есть некоторые уже бошки поднимать начинают, чтобы меня таким-то образом обозвать как паникера, и тут — бабах!

— Хотел бы я служить с тобой в одной роте, — улыбнулся Брейн. — Так чего там с процентом потерь?

— С процентом потерь ты сам видишь, — и канзас кивнул на разбежавшихся санитаров с каталками. — Пара процентов не выживает вовсе.

— Большие потери.

— Большие.

— А нельзя использовать какой-то другой способ, не такой...

— Варварский? — закончил фразу канзас и засмеялся. Брейн тоже улыбнулся. Действительно смешно получилось.

— Да, можно везти бойцов и обычным способом, с прыжками первого порядка. Когда и овцы, и волки — ну ты понял. Однако чем дальше от Метрополии, тем реже прыжковые терминалы, а потому приходится тащиться со скоростью каких-то орбитальных транспортов. А это полгода минимум. А то и больше. На одни харчи изведут денег — ужас просто. А еще пассажиров нужно обогревать, давать им кислород, очищая углекислый выхлоп, я уже не говорю о каких-то развлечениях, чтобы у них депрессии не возникло. Ну и так далее. С «белой глиной» экономия набегает в сотни процентов — кто против такого решится протестовать?

— Только сумасшедший, — подвел итог Брейн.

— Вот именно, — согласился Ранжан, и они ступили на крыльцо своего корпуса.

После возвращения с ужина Брейн почистил зубы и лег спать — он чувствовал накатывающую слабость. А когда проснулся утром, оказался в комнате совершенно один — кровати канзаса и гоберли были заправлены чистым бельем.

Поскольку приближалось время завтрака, Брейн принял освежающие процедуры, оделся и направился к столовой, прислушиваясь и ожидая еще услышать голос Ранжана, однако все больше убеждался, что теперь его нового знакомого здесь уже нет. Мало того, количество прибывших было на четверть меньше, чем в прошлый прием пищи.

К обеду контингента было уже меньше на треть, а к ужину — наполовину. Брейну то и дело попадались посыльные, сновавшие между корпусами, за которыми потом выбегали где-то двое, где-то трое бойцов. А то и целая вереница.

Они убегали к административному корпусу, а спустя час или два на небольшом поле, которое располагалось в полукилometре от городка, запускали двигатели шаттлы, отправляя пассажиров на орбитальные станции и дальше, по ближним районам космоса. Их уже транспортировали безо всяких прыжков, однако это зачастую занимало куда больше времени,

чем порталное перемещение.

Но за Брейном пока никто не приходил. Через два дня он даже начал немного скучать — делать было совершенно нечего, а знакомиться с теми, кто здесь также задержался, не хотелось.

Еще через сутки осталось совсем мало народу — на завтрак Брейн видел едва ли шестую часть от того количества, что прибыло сюда вначале.

Отчасти Брейн даже стал находить в теперешнем своем положении пользу, ведь он акклиматизировался и в случае чего мог принимать более адекватные решения, чем если бы пришлось принимать их сразу по прилете сюда — еще под парами «белой глины». Но собственная невостробованность все же не доставляла приятных эмоций.

Уже подходя к своему корпусу, он услышал раскат грома, потом еще один, а затем прозвучала целая россыпь громовых ударов.

Эхо горной долины слегка искажало звуки, поэтому грохот взрывов был похож на гром. Брейн узнал пакетные разрывы снарядов, когда кого-то накрывали залпом на большой площади.

Он остановился, но больше никаких раскатов не последовало, и он пошел к себе.

А в ночь разыгралось настоящее сражение где-то там — за горами. Брейн снова слышал пакетные разрывы, перестук автоматических пушек, он слышал, как над городком проходят звенья штурмовой авиации, а потом удары, удары и снова удары.

Брейн вышел на крыльцо и увидел с западной стороны долины зарево и отсвет ярких вспышек, которые четко обозначали ломаную линию гор.

А наутро обнаружил в контингенте пополнение. Из тех, кто прибыл с ним сюда, оставалось едва ли двадцать, зато добавилось полсотни действующих бойцов, которые пришли в столовую, даже не сняв брони.

На их поясах болтались шлемы, на плечах висело оружие, с которым они не расставались.

Брейн отметил это как положительную черту, поскольку ему много приходилось видеть и таких вояк, которые любую передышку использовали к полному расслаблению и потери осторожности.

Тяжело переваливаясь и грохоча бронированными крагами, они получали свои батончики и садились за столы. Ели молча — глядя в пустоту. Из полусотни лишь двое негромко переговаривались, остальные молчали.

Контингент состоял в основном из канзасов и гоберли. Первые были стрелками, а гоберли таскали тяжелые винтовки, кангеры, автоматические гранатометы.

Поев, бойцы вышли на воздух и, подождав тех, кто задерживался, сделали быструю переключку и без строя побрели в ту сторону, откуда Брейн раньше слышал шум шаттлов.

Через полчаса с площадки поднялись несколько десантных транспортов и ушли в ту сторону, откуда ночью доносилась канонада.

— Кто это, сэр? — спросил Брейн, остановив одного из административных сержантов.

— Это команда «бета». Они появляются, когда где-то в долинах начинается бардак.

— А что за бардак?

— Ах, ну да, ты же не местный. Когда здесь появляются партизаны.

— Здесь есть партизаны?

— Да, сам-то я их не видел, о чем не жалею. Но время от времени их находят и обрабатывают артиллерией. А то и орбитальные силы, бывает, привлекают. Но это если

очень уж большое соединение. А потом высылают «бету» — на зачистку гор. Им там тоже еще немало работы остается.

— Да уж, выглядели они нерадостно, — подтвердил Брейн.

— Это да.

— И давно это здесь?

— Да сколько я служу, столько эта канитель и тянется.

— И что, нельзя этот вопрос решить окончательно, если такие силы имеются — вон даже на орбите?

— Не знаю, слышал только, что этих партизан поддерживает какая-то третья сторона, так что они не унывают.

— И кто же это может быть? — продолжал выяснять Брейн, ему действительно все было интересно.

— Да много там всяких тварей в горах роются.

— Роются?

— Вот именно. Там же, под горами, были когда-то горные выработки, и потом это много лет было заброшено. А потом вдруг началась какая-то чепуха — из этих самых шахт и стали появляться эти партизаны. И уже вооруженные. Так вот, они захватили уже четыре таких долины, как наша.

— А что там было раньше, в этих долинах?

— Какие-то поселки. А теперь никакого населения там нет.

— А что было за население?

— Всякое. И суперколверы, и канзасы, и гоберли, и даже всякая всячина вроде тебя.

— Что значит вроде меня? — не понял Брейн.

— Ну — варвары. Вас же тут много.

— Тут много варваров? — удивился Брейн, которому показалось, что он ослышался.

— Ой, как будто первый раз слышишь! Ах да, я опять забыл, что ты не местный, — хлопнул себя по лбу сержант. — Но, конечно, если ты приехал с Метрополии, то ты там был, наверное, как кинозвезда, правда?

И сержант засмеялся.

Брейн пожал плечами. Кажется, он начинал понимать, о чем речь.

— Ну да, там я был один...

— Ну а здесь вас значительно больше. Вон там, — и он неопределенно махнул рукой. — В стороне океана целый материк вашими беглыми заселен!

И сержант захихикал, но тут же осекся:

— Ой, вон мой начальник идет, всего хорошего.

И с этими словами сержант ушел, оставив Брейна в совершенно задумчивом состоянии.

— Значит, здесь есть варвары? — вслух произнес он.

Факт того, что здесь имеются подобные ему субъекты, напрочь выключил мысли об опасности появления каких-то партизан.

— Варвары. Целый материк, — произнес он и, вздохнув, направился к своему корпусу, предполагая, что сержант, скорее всего, что-то недопонял и еще что-то добавил от себя. Это был немолодой гоберли с излишним весом — ему могло много чего почудиться.

Вечерело. Над городом Праймерсом спускались сумерки. Далекая луна — фиолетовая Глунду — посылала свои отраженные лучи, напоминая о том, что начинается время ночи. Однако сидевший в своем кресле полковник Гроун даже не думал о том, чтобы закончить работу и отправиться домой. Он служил в кадровой службе Министерства Политической Благонадежности округа «Юго-Восточный — двадцать четыре», в силовом подразделении. Этот департамент славился тем, что там происходили всяческие реформы, изменения, частые проверки и постоянно отбраковывались сотрудники, соскочившие с катушек из-за переработок.

Криминальные слои округа и группы бунтовщиков пользовались помощью разного рода враждебных имперским нациям сил, поэтому в борьбе с ними имперские силы несли немалые потери.

Из штата выходили те, кто получал травмы и ранения, выбывали погибшие в боях с многочисленными бандами и партизанскими отрядами.

Полковник Гроун и так и сяк перекладывал списки возможных кандидатов на должности, но удавалось закрыть только две трети вакансий, а одна треть оставалась незакрытой. А стало быть, брешь в борьбе с беспорядками зияла огромная.

Противная же сторона работала быстрее и оперативнее. У них было больше средств и, видимо, более эффективный управляющий аппарат, и случалось, имперские службы безопасности теряли тех, кто переходил на сторону противника.

Отряды партизан состояли вовсе не из каких-то ящеров, а из вполне понятных и привычных гоберли, канзасов и нескольких подвидов суперколверов. А в городах у них имелись немалая поддержка и агентурные сети среди варваров, которых здесь на местный манер называли норрами.

Устав в конце концов от пустопорожного перекладывания карточек, полковник оставил списки и откинулся в кресле, стараясь отключиться от работы и ни о чем не думать.

Он занимался этим делом не первый год и понимал, что невозможно растянуть кадровые резервы на все бреши, тем не менее приходилось делать это раз за разом.

В дверь постучали.

— Войдите! — разрешил полковник, и вошел его заместитель — майор Мансер, один из немногочисленных суперколверов в здешних местах.

Майор вошел и тяжело опустился на стул напротив начальника. В их департаменте не было возможности прятаться от работы, а те, кто не справлялся с грузом навалившейся работы, вылетали в действующие подразделения по наведению порядка.

До прихода Мансера полковник сменил едва ли не целую дюжину заместителей.

Служащие департамента, в особенности руководство и начальники отделов, сидели по семнадцать и даже двадцать часов на работе и, если нужно, оставались на ночь, рассылая тысячи запросов о привлечении кадров. Но, к сожалению, их заявки удовлетворялись в самую последнюю очередь — после того как другие структуры спецслужб и армии получали свой кусок.

Полиция Метрополии также получала все, что хотела, а им в округа сбрасывали то, что было никому не нужно.

Иной раз вслед за очередным кадром приходило толстое дело о его фокусах, да таких,

что, как выяснилось, на нем и пробы ставить было негде. И такие, с трудом полученные кадры приходилось отстранять от работы, судить и отправлять в тюрьму.

Если же появлялась хоть какая-то возможность не судить, сломать судебное преследование ценного кадра, который демонстрировал хорошую рабочую сноровку, руководство департамента шло на нарушения. И очень часто таким образом «спасенные» кадры, позабыв про своей темное прошлое, начинали расти в карьерном плане.

— Ты чего пришел? — спросил полковник.

— У нас тут имеется незакрытие кадров в пятидесяти восьми полицейских отделениях, сэр.

— Ты меня этим удивить, что ли, хочешь?

— Нет, сэр, я запустил новую программу, которую, кстати, сам и написал в содружестве с ай-ти роботом.

— Вот как? А что же наши программисты? Почему ты делаешь чужую работу?

— Сэр, они такие неповоротливые, пока им объяснишь, что тебе надо...

— Ну хорошо, в конце концов твое второе образование связано с программированием.

— Вот именно, сэр. Ну так вот, с помощью этой программы нам удалось еще раз пройтись по архивным отвалам, где мы как будто ничего уже не нашли. И я выявил еще множество подходящих нам вариантов.

— То есть совсем каких-то криминальных монстров, что ли? Тебе мало переписки с Военным Судом, Мансер?

— Нет-нет, сэр, у нас тут был такой моментик, когда спецслужбы, и в частности контрразведка, ввели в анкеты пунктик, где ставилась отметка о возможности или невозможности привлечения кадра к административной работе.

— И что?

— Так вот я убрал эту графу, ну и еще парочку совершенно ничего не значащих характеристик, и у нас получилось добыть семьдесят процентов необходимого состава для закрытия полицейских должностей.

— В противном случае эти остатки пошли бы маршем на фронт, — задумчиво произнес полковник.

— Ну, в конце концов какая-то часть все равно отправится на фронт, сэр, мы же с вами реалисты. Но есть возможность выбрать из этих процентов кое-что, я уверен в этом.

— Но контрразведка их не утвердит, — напомнил полковник.

— Сэр, — майор Мансер улыбнулся. — Ну что мы, будем спешить с отчетами контрразведке?

— Не будем, — согласился полковник.

— Не будем, а к тому времени, когда они замучают нас сначала запросами, повторными запросами и наконец угрозами, придут новые пополнения в кадровый резерв и мы опять что-то получим. И потом контрразведка у нас в Циппельмене...

— А до него полтысячи километров, — кивнул полковник. — И за последний год они к нам ни разу не приезжали, хотя и выставляли письменные претензии.

В одиночестве Брейн провел в комнате уже трое суток, а в городке, казалось, остановилась всяческая жизнь. Он еще надеялся, что появятся солдаты в броне — ну хоть какое-то развлечение, но те больше не прилетали, и все боевые действия в соседних долинах успокоились.

Не были слышны залпы по вечерам, и больше не зажигалось оранжевое зарево на изломах лесистых гор.

Сходив на ужин, Брейн взял побольше батончиков, упирая на зеленоватые и бежевые, которые считались десертными.

«Десерт, блин», — усмеялся про себя он, когда набирал добавку.

В этот раз ради развлечения он даже решился попросить у персонала столовки воды, но те посмотрели на него как на ненормального, однако когда он уже уходил, его нагнал старший в кухонном наряде — худощавый канзас с совершенно бесцветными глазами — и спросил:

— Слушай, воды у нас никогда не бывало, но если тебе так нужно, я могу достать «девять-девять запятая девять». Это мусс самой высокой очистки. Нам он поставляется для того, чтобы мы могли делать хорошее мороженое, когда прибывало высокое начальство.

— Постой, какое мороженое? У вас все подается в стандартных брикетах, то есть батончиках.

— Ну разумеется. Все питание только по стандартам, однако мейдеры выпекают батончики, в особенности фруктовые и молочные, такими, какие ингредиенты в них загружаются. Я имею в виду чистоту ингредиентов.

— То есть... Вы делаете разный вкус?

— Я поясню на примере, — сказал канзас, и видно было, что эта тема ему интересна. — Например, если мы загружаем в качестве агента-растворителя мусс «шестьдесят-пять запятая пятнадцать», получается один продукт. Если мы в качестве агента-растворителя добавим «девять-девять запятая девять», получаем совершенно другой продукт, но и тот и другой формально являются одним и тем же питательным батончиком четвертого десертного класса.

— Я понял, — сказал Брейн.

— Ну так что?

— Да, я возьму, — ответил Брейн. — Ну, хотя бы попробовать надо.

— Хорошо, подожди, — сказал старший и убежал, а вскоре вернулся с пластиковой бутылочкой грамм на восемьсот. — Вот, держи.

— Спасибо, — поблагодарил Брейн.

— Бери-бери, другой бы у меня ни за какие деньги это не получил, но мне тебя хочется утешить. Парень ты вроде приличный, хоть и нестандартный. Не то что основной контингент — бывшие наркоманы или беглые преступники. Но вот сидишь уже не один день, и тебя никто не вызывает. Хочется как-то поддержать тебя, так что бери и пользуйся.

Брейн поблагодарил еще раз и отправился к себе в пустой корпус.

В полной тишине съел еще несколько десертных батончиков, предполагая этим скрасить свою скуку. Потом запил хваленым муссом, который действительно очень напоминал воду, но только напоминал.

Чтобы больше ни о чем не думать, Брейн умылся, почистил зубы и лег спать. Он понимал, что чем быстрее уснет, тем быстрее закончится еще один скучный день, а наутро, возможно, начнутся какие-то перемены.

После «водных» процедур Брейн уснул легко: он уже начал приноравливаться к здешнему климату и распорядку. Он бы спокойно проспал до самого утра, однако среди ночи его разбудил какой-то посторонний звук, да и сон приснился странный: Брейн бегал по катакомбам, а в руках у него был тусклый фонарик и какая-то дубина. Во сне ему угрожала опасность, и Брейн то и дело касался пояса, где должен был находиться пистолет, но пистолета не было — оставалась одна дубина, и оттого он чувствовал себя в этом сне очень неуверенно. А еще эта темнота и тусклый фонарик.

А тени наступали со всех сторон, Брейн поворачивался то влево, то вправо, готовый нанести разящий удар, но враг тянул время и не нападал.

В конце концов Брейн проснулся и, открыв глаза, по едва заметному сиреневому оттенку темноты в окне понял, что до подъема еще часа четыре.

Он полежал еще немного, но никак не мог избавиться от навязчивого чувства беспокойства, а еще он вспомнил, что разбудил его посторонний звук, как будто кто-то скребся под дверью.

Это могла быть кошка или крыса, но ни тех, ни других здесь не водилось.

«Кошки им не нужны, потому что нет крыс. А крыс извели какими-нибудь высокотехнологичными препаратами», — подумал Брейн.

Он сел на кровати и стал прислушиваться. Да, ему не показалось: в коридоре кто-то двигался. Брейн весь превратился в эдакий разведывательный бот — его натренированный аппарат восприятия и интуитивного анализа тотчас нарисовал фантастическую картинку.

Тот, кто издавал такие звуки при движении, должен был сильно сутулиться, иметь когтистые лапы — оттого при ходьбе они издавали такой звук. А еще вот это — что-то непонятное, как будто тащили кабель по песку: Брейн как-то участвовал в реконструкции военного городка, и они таскали такие вот кабели по прибрежному песочку. Звук, конечно, не тот, но похожий своей непрерывностью, не то что чередующиеся шаги.

— Ужас какой, — пробормотал Брейн и, поднявшись, прокрался к двери и, помедлив еще, резко ее распахнул и выглянул в коридор.

Но что толку? Там была абсолютная темнота. В отсутствие основной массы постояльцев электричество здесь сэкономили. Да, Брейн помнил, что выключатель находится возле входа в корпус, однако поди доберись до него, если тут в темноте кто-то посторонний.

Дверь крепилась на новеньких магнитных подвесах, а потому не издавала ни звука, однако Брейн был уверен, что неизвестный заметил его появление.

Эхо комнаты за спиной сбивало тонкое восприятие, и Брейн вышел в коридор и притворил дверь.

Видимо, нарушитель видел в темноте не очень хорошо, а может, видел, но решил действовать. Брейн снова услышал отчетливое шарканье, а вот звук волочения исчез. Может, он волочил оружие, а теперь им замахнулся?

Справа от Брейна был тупик и двери четырех неиспользуемых номеров, а слева были еще пять комнат, поворот налево — и еще штук двадцать комнат. А в торце коридора — окно.

«Стоп!» — сработала в мозгу Брейна самопроизвольная команда, и он остановился. Он не то чтобы слышал, все было гораздо страшнее, он ощутил движение воздуха, а значит, возможная опасность могла находиться уже в полутора метрах — Брейн в таких делах

прекрасно разбирался. Поэтому он прыгнул на эти полтора метра и нанес удар ногой в темноту, очень удачно попав в цель.

Некто, получив такой удар, оторвался от пола, пролетел метра четыре и рухнул у стены, однако без пауз тут же заскрежетал по полу когтями и понесся прочь — до поворота, там налево и снова разгон.

Брейн последовал за неизвестным противником, однако действовал более осторожно, опасаясь попасть в засаду.

Поворот он прошел на ощупь и стал ускоряться в полной темноте, а неизвестный, не сбавляя скорости, подпрыгнул, врезался в окно и, вышибив его, рухнул на землю вместе с оконной рамой.

Добежав до оконного проема, Брейн выглянул наружу, но смотреть было не на что — темнота, белеющие обломки рамы и тишина.

Брейн просидел около получаса, прислушиваясь к доносившимся издали звукам, но здешняя природа была ему малопонятна, и он не мог определить, природные ли звучат мотивы в этой тишине, или он слышал какие-то технологические звуки.

Ну там гудение подстанции или шипение гидравлических систем.

Не добившись ясности, Брейн вернулся в комнату, включил свет, поел еще батончиков, допил оставшийся мусс «девять-девять запятая девять», потом подпер дверь двумя тумбочками и, выключив свет, снова лег.

Он быстро уснул и проснулся только утром от топота в коридоре. Кто-то грохотал по тонкому полу солдатскими ботинками и очень спешил.

Шаги замерли возле двери Брейна, и в нее постучали.

— Одну минуту! — отозвался он и, подскочив к двери, разблокировал ее, убрав тумбочки. На пороге оказался курьер — взъерошенный гоберли, которого, должно быть, тоже подняли с постели.

— Сэр... Ну, это самое — пойдете скорее в администрацию!

— А с чего такая спешка? — спросил Брейн, почесываясь.

— Шаттл уже вылетел, сэр. Для вас одного.

— А почему для одного?

— Так больше нет никого, кого еще брать-то? Вы один у нас остались, в администрации уж думали вас перебросить в другой район, — пояснил посыльный, и Брейн перехватил его взгляд — гоберли косился на прикроватную тумбочку, на которой лежали оставшиеся два десертных батончика.

— Хочешь сладкого? — спросил Брейн.

— Ага, — кивнул гоберли.

— Ну возьми.

Посыльный проскочил в комнату и, схватив оба батончика, сразу же принялся их есть, а Брейн начал одеваться. Затем сходил умыться и вернулся в комнату.

— Я готов, — сказал он. — Пойдем в администрацию.

А гоберли все еще жевал, растягивая для удовольствия второй батончик.

— О, сэр, тут такое происходит... — сказал он, причмокивая.

— И что же? — спросил Брейн, осматриваясь, однако над территорией висел густой туман. Он уже слышал, что здесь бывали целые туманные недели, когда солнце едва было видно и темнело на два часа раньше. — Так что случилось-то? — снова спросил Брейн.

— Сэр, вы не поверите, — сказал гоберли, продолжая чавкать. — У нас убили часового!

— Убили часового?

— Да, сэр. Такого не было никогда, даже те, кто служил здесь больше, чем я — а я служу здесь уже пять лет, — не припоминали таких событий. В соседних долинах, конечно, бывало всякое, вы же слышали про здешних партизан?

— Как не слышать, если там артиллерия грохотала, — заметил Брейн.

— Ну вот именно, сэр. Так вот — одного часового убили, а еще двоих сильно поранили энергошиллом.

— Чем-чем? — не понял Брейн.

— Энергошило — это такое местное оружие преступников и всякого рода диверсантов. Загоняют под ребра электрод, включают протонный поток и — бац! Пациент моментально отключается.

— А нельзя просто ножом?

— Ну как же можно ножом, от него пойдут конвульсии, датчик состояния здоровья сразу отдаст сигнал тревоги на пульт дежурному по периметру.

— А с этим энергошиллом не отдаст?

— В том-то и фишка, сэр, что энергошило парализует датчик, и тот начинает выдавать ошибку, после чего сервер отключает его, поскольку тот выдает бешеное количество запросов. Все выглядит так, будто персональная сигнальная система у часового вышла из строя. Сервер ее отключает и запускает на канале профилактику.

Они поднялись по широкому и пустынному крыльцу здания администрации и вошли внутрь, в такой же пустой вестибюль, где каждый шаг отдавался эхом на побеленных стенах и высоком потолке, украшенном старинной люстрой, которая, впрочем, сейчас не работала — слишком уж много потребляла электричества, а потому вестибюль освещался парой экономичных светильников.

— Красивая люстра. Ее когда-нибудь включают? — спросил Брейн, глядя на хрустальные висяльки.

— Что? Ах да, конечно. Хотя нет, я не помню, чтобы включали. Она же тут висит с тех пор, как этот городок построили.

— А для кого строили?

— Ну это... А я не знаю, сэр, — честно признался гоберли.

— Да и ладно, — отмахнулся Брейн.

В этот момент они остановились в коридоре перед какой-то дверью, и гоберли с долей благоговения произнес:

— Вот здесь, сэр, вас ждет сам капитан Рембранто.

— Чего капитан? — не понял Брейн.

— Рембранто, это имя такое.

— А что я должен делать?

— Просто зайдите, сэр, и капитан Рембранто все оформит.

В кабинете Брейна ожидал капитан Рембранто — немолодой и много повидавший суперколвер. Но особенно он удивил Брейна реакцией на его появление.

— О, ну наконец-то! — воскликнул капитан, всплеснув руками, а потом хлопнул длинной ладонью по столу, отчего подпрыгнули все бумаги и терминал компьютера.

Брейн от неожиданности остановился.

— Проходи, парень!

Брейн прошел и сел напротив капитана.

Тот захихикал, а потом сказал:

— Уж не знал, что дождусь этого момента.

— Да что здесь происходит? — спросил Брейн.

— А ты не в курсе?

— А с чего мне быть в курсе, капитан?

— Я радуюсь тому, что впервые варвары начинают решать проблемы, этими же варварами и созданные, — произнес капитан Рембранто и снова захихикал.

— О как! Это вы о чем, офицер? — уточнил Брейн, которому надоело здесь все — от ночных посетителей до этого странного суперколвера.

— Ах, ну да, ты же не местный! — хлопнул себя по колену капитан и захохотал. Но внезапно замолчал и уставился в пол, на универсального размера ботинки Брейна.

— Ты ведь прибыл сюда издалека?

— Из Метрополии, — ответил Брейн.

— Из Метрополии. Ты, наверное, там был...

— Да, я там был как кинозвезда.

— Тебя уже кто-то спрашивал?

— Да, один из ваших сержантов.

— Короче так — здесь вашего брата много сидит по городам, так что выбирай город, чтобы оказаться среди таких, как ты.

— Огласите все заявки.

— Ну хорошо, — согласился Рембранто и бросил на стол три листка пластиковой бумаги. — На тебя пришел вызов с трех районов. В одном месте просят администратора полицейского бюро. Понимаешь, что это такое?

— Нет, сэр, не понимаю.

— Ну, короче, бумажки переключать и получать по полной за промашку подчиненных.

— Это мне не подходит. Давайте что-нибудь другое.

— В другом месте от тебя требуют возглавить роту спецназа. Здесь даже приведены три задания — четыре из них смертельные.

И капитан снова засмеялся.

— Что там в третьем?

— Ну в третьем совсем неинтересно. Нужно поехать в большой город — Гринланд. Слышал?

— Откуда? Я же не местный.

— А, точно! — и капитан опять заржал, а Брейн подумал, что у него не все в порядке с психикой. — Короче, тут все туманно и непонятно. Приезжаешь и занимаешь должность

какого-то инспектора по безопасности.

— Инспектором по чему? — не понял Брейн.

— По без-о-пас-нос-ти, — по слогам повтори́л капитан. — Честно говоря, первый раз такую байду читаю.

— Я тоже не совсем понял, но это мне подойдет, — сказал Брейн. — Вот туда меня и направьте.

— Ну, как говорится, сам выбрал, сам все и скушаешь. В крайнем случае проблюешься! — пошутил по-своему капитан и снова принялся веселиться. — К вечеру жди шаттл.

— Меня что, одного повезут?

— А чего ты хотел? У нас только ты и остался. Других неликвидов раз-два и обчелся, да еще несколько доходяг, которых потом в госпиталь перекантуют.

— Сэр, а вы что-нибудь слышали о сегодняшнем нападении на часовых?

— Смеешься, что ли? Еще бы я не слышал? Начальник режимной части уже всех оповестил — под роспись! — многозначительно произнес капитан Рембранто.

— Вы можете предположить, кто это мог быть?

— Ох... — выдохнул капитан, и его лицо погрузнело. — Тут же повсюду безобразия творятся, странно, что до сих пор нас эти партизаны стороной обходили. В соседних долинах война — кто-то мог и сюда пробраться.

Подождав, когда капитан заполнит форму на компьютерном терминале и принтер выдаст пластиковую карточку с предписанием, заверенную всеми необходимыми голограммами, Брейн сунул ее в карман робы и вышел в коридор.

Теперь он чувствовал себя дембелем.

Четыре дня и ночи он привыкал к этому странноватому месту, к столовой, к горам вокруг, к чистому, чуть влажноватому воздуху и к пустынному корпусу, в котором жил в одиночестве.

Брейн быстро адаптировался и за эти четыре дня привык к обстановке. Но теперь он снова чувствовал отстраненность от всего этого, ведь теперь перед ним открывался новый мир, совсем ему неизвестный.

Незаметно пролетели обед, а затем и ужин. Брейн не пытался чем-то занимать себя, он просто ждал.

Когда возвращался из столовой, его остановили — еще один капитан, грузный гоберли со строгим взглядом из-под кустистых бровей. Брейн сразу опознал в нем начальника режимной службы.

— Готовишься отчаливать, сержант Брейн? — спросил тот, демонстрируя знание ситуации в городке.

— Так точно, сэр, — благодушно ответил Брейн.

— У тебя в корпусе кто-то раму вынес, ты в курсе?

— Да, вроде поддувать начало — сквозняк.

— Что-нибудь слышал прошлой ночью?

— Нет, сэр, я крепко сплю.

— Ну и ладно, удачи тебе, сержант.

— Спасибо, сэр, — поблагодарил Брейн и отправился к себе.

Он не хотел начинать никакого расследования, это была не его территория и не его дело. Вернувшись в комнату, Брейн завалился на кровать и снова стал ждать, ни о чем не

думая, потому что если думать, то опять начинало казаться, что про него здесь все забыли и никакого шаттла не будет.

Он уже начал дремать, когда прибежал посыльный и крикнул:

— Бегите на летное поле, сэр! Шаттл здесь мимоходом — долго ждать не будет!

И убежал.

Брейн поднялся с кровати и, потянувшись, почесал в затылке.

После легкой дремы он успокоился и уже был уверен, что без него никто никуда не улетит.

Он вышел из корпуса на крыльцо, вдохнул вечерний воздух и прислушался — не было слышно ни перестрелок, ни канонады, только легкий ветерок приносил ароматы горных трав.

Брейн заметил, что через территорию к нему огромными шагами спешит суперколвер, и сам пошел навстречу.

— Вы пассажир в Четвертую зону? — спросил суперколвер, останавливаясь.

— Пассажир я, — подтвердил Брейн, разглядев в стущающихся сумерках пилотские эмблемы. — Но я не знаю, что такое Четвертая зона.

— Вам в какой город?

— Гринланд.

— Это город в Четвертой зоне нашего района. Идемте, нужно поторопиться.

И, развернувшись, пилот зашагал прочь, да так, что Брейн едва за ним поспевал.

Они прошли мимо здания столовой, обойдя его слева по насыпной дорожке, и еще минут десять шли по мощенной плиткой дороге, годившейся для проезда транспорта. По обе стороны росли травы, в которых все время что-то шуршало и трепетало крыльями. Брейн не был уверен, живут ли там какие-то опасные гады, однако пилот был невозмутим, и пассажир вел себя так же.

Пройдя через пару редких рощиц, где Брейн был настороже, поскольку из-за каждого дерева можно было ждать нападения, они вышли к освещенной площадке, на которой с погашенными огнями стоял одинокий шаттл.

— А мне сказали, что шаттл пролетный и нужно спешить, а вы, видите, давно тут, — заметил Брейн.

— Да, по времени мы немного отстаем, посадка здесь действительно короткая, но вчера, когда сели, оказалось, что основная энергосистема рассогласована, механик сказал — совсем развалилась.

— А резервной нету?

— Есть и резервная, но лететь на резервной — это лотерея.

— Ну да.

Пилот подошел к закопченному борту шаттла и постучал по нему какой-то железкой. Внутри щелкнул замок, отошла массивная дверь, и до самого бетона разложился гидравлический трап.

Пилот поднялся первым, за ним Брейн.

Трап снова сложился и спрятался в поддверную нишу, после чего дверь встала на место.

Пилот прошел через пассажирский салон к себе, где перебросился с кем-то парой слов.

«Должно быть, с механиком», — подумал Брейн, выбирая ближайшее из потертых кресел, страховочные ремни которого выглядели не слишком драными.

Брейн пристегнулся, и почти тотчас запустились двигатели.

По полу салона пробежала дрожь, которая затем перешла в тонкую вибрацию стенок, и наконец, двигатели стали развивать взлетную тягу — шаттл покачнулся и, оторвавшись от земли, стал разворачиваться на раскаленных струях, вырывавшихся из поворотных дюз.

Брейн уже настроился на привычные ощущения, однако неожиданно по борту что-то громко щелкнуло. Потом еще раз. Брейн сразу узнал этот звук, однако ему не хотелось верить, что их обстреливают.

Пилот тоже услышал, и двигатели шаттла взревели в форсажном режиме, а Брейна вдавило в кресло.

На несколько мгновений этот маневр спутал планы стрелков, но затем они взяли поправку, и после еще нескольких звонких щелчков у борта шаттла рванул фугас, отшвырнув судно в сторону. Мигнуло освещение, тон двигателей поменялся, и пилот заложил хитрый вираж вправо, сначала сбросив тягу, а потом снова резко ее нарастив.

Брейн скинул ремни и, перебравшись к небольшому иллюминатору, осторожно выглянул — освещенная площадка была уже далеко внизу, а с вершин темных гор, изгибаясь и скручиваясь, тянулась вереница огненных трассеров, пытаясь нащупать в небе ускользящую цель.

Тем временем по долине, которая была прежде самой спокойной, теперь разбегались цепочки разрывов, и там, где удары приходились в здания, расцветали желтоватые шары.

Взрывы следовали один за другим, методично выжигая весь городок, а когда шаттл поднялся выше, Брейн увидел на склонах гор многочисленные позиции партизан, откуда стартовали ракеты переносных установок.

Скоро все это оказалось позади, и шаттл, перевалив через несколько горных хребтов, набрал достаточную высоту, чтобы Брейн мог расслабиться и снова растянуться в кресле — подремать.

О том, что случилось с городком, который на несколько дней стал его домом, он не думал и не терзал себя бесконечными страшными предположениями. За время своей службы он повидал немало подобных вещей.

Теперь все его мысли были о следующем перевалочном пункте. Интересно, какой он будет? Поближе к городу? В лесу?

Снова оказаться где-то в горах совсем не хотелось.

Брейну удалось подремать, и он проснулся от легкого покачивая и желания сходить по нужде.

Отстегнувшись, он выглянул в узкий иллюминатор и увидел, что судно снижается, а впереди виднеется освещенный город — после унылого горного пейзажа картина казалась очень радостной.

Брейн прошелся до кабины и, постучавшись в тонкую дверцу, заглянул внутрь.

Пилот сидел в кресле, а еще один член команды дремал, лежа на откидной скамеечке.

«Видимо, механик», — подумал Брейн.

— Чего? — спросил пилот.

— Туалет где?

— В хвосте за ширмочкой дверца.

— Ага, — кивнул Брейн. — А что, мы уже прибываем?

— Нет, это пока Саргет.

— А зачем снижаемся?

— Чтобы диспетчер оптикой по корпусу прошелся — вдруг пробоины опасные? Тогда

придется сесть.

Брейн кивнул и закрыл дверцу.

Пока ходил в туалет, шаттл снова начал набирать высоту — стало быть, явных пробоин в корпусе не обнаружилось.

Брейн занял свое место и опять принялся дремать, но минут через сорок шаттл снова начал совершать какие-то маневры, и Брейн опять потянулся к иллюминатору — под ними оказался город, еще больше, чем Саргет.

«Ну, уж теперь-то наверняка прибыли», — подумал Брейн и потянулся, думая, что скоро пойдут на посадку. Однако, покачав куцыми крылышками, шаттл продолжил полет, и Брейн понял, что это не Гринланд.

«А жаль», — подумал он, вспомнив, что успел разглядеть там высокие дома, широкие улицы, площади. Одним словом, это был уже приличный город, где можно было и пожить.

Такое развитие событий заинтриговало Брейна, и он больше не дремал, время от времени выглядывая из иллюминатора, но внизу была крошечная темнота — ни одинокого строения с освещенными окнами, ни случайной машины с включенными фарами.

Но примерно через час он увидел освещенную окраину города. По-настоящему большого, поскольку, пока шаттл приближался к нему, другого края города разглядеть не удалось.

И снова Брейн заметил высотные дома, еще более высокие, чем в предыдущем городе. Широкие улицы, потоки машин в несколько рядов, какие-то трансляционные вышки, усеянные сигнальными огоньками.

В салон вышел пилот, должно быть решивший сходить в туалет перед посадкой.

— Ну что, собирай вещички, — сказал он, усмехнувшись.

— Они уже при мне, — пошутил в ответ Брейн. — Какой огромный город — я не ожидал увидеть здесь нечто подобное.

— Семь с половиной миллионов жителей, и большая часть из них являются твоими, видимо, земляками или даже родственниками. Не знаю, как там у вас это называется.

Пилот успел сходить в туалет и вернуться в кабину, прежде чем шаттл коснулся своими шасси безупречно ровной посадочной полосы в порту Гринланда.

Последовала длинная пробежка, торможение двигателями, после чего борт запарковался в каком-то дальнем отстойнике, а механик — канзас с сонной физиономией — открыл боковую дверь и сказал Брейну:

— Ну все, выходи...

Брейн вдохнул ворвавшийся в салон студёный ветер и, выглянув вниз, заметил:

— Там нет трапа.

— И что? Останешься на борту? — уточнил механик и почесал ниже спины. — Давай прыгай — здесь невысоко.

— Но там даже не видно, куда прыгать. Вдруг это болото?

Канзас покачал головой.

— Мы что, по-твоему, по болоту сюда закатились?

— Без освещения я прыгать не буду, — сказал Брейн, и канзас, смерив его оценивающим взглядом, решил, что лучше сходить за фонариком, чем попасть на госпитальную койку.

Пару раз он ошибался — больше не хотелось.

Пока он ходил, Брейн высунулся и попытался определить, где находится главный терминал, однако ничего рассмотреть не удалось — мешали ряды выставленных шаттлов и лайнеров местного сообщения, которые стояли без огней, ожидая дневных рейсов.

Вернулся механик и, сердито сопя, осветил вниз технологическим фонариком. Там оказался нормальный ровный бетон, правда, в двух метрах от пола салона.

— Ладно, — согласился Брейн. — Скажи мне, где находится их главный терминал, и я прыгну.

— А... ну это...

Механик озадаченно повертел головой.

— Ну понятно, тогда я забираю фонарик, — сказал Брейн и, не дожидаясь ответа, выхватил у механика фонарик, еще осветил вниз — и прыгнул. Едва он распрямился, дверца захлопнулась, и Брейн остался один в портовом отстойнике, на холоде и заметном ветре.

Вспомнив, как маневрировал на поле шаттл, и прикинув примерное направление, Брейн, подсвечивая себе фонариком, двинулся вперед. И как оказалось, не сразу выбрал правильный курс, поскольку метров через триста уперся в складские корпуса и ангары, где имелось освещение.

Убрав фонарик в карман, Брейн двинулся вдоль рядов построек и, дойдя до поворота, увидел огни порта, иллюминацию диспетчерских вышек и услышал привычный рев двигателей.

На открытом месте ветер стал крепчать, и Брейн, поеживаясь, поспешил к главному зданию.

Напрямую до него было километр с небольшим, однако пришлось обходить действующие взлетно-посадочные полосы, разделенные охранной сеткой — скорее всего, под напряжением.

В конце концов Брейн был вынужден перебраться через пару заборов и, миновав широкий газон, поднялся на транспортный парапет, воспользовавшись аварийной лесенкой.

Сразу оказавшись перед стоянкой такси, Брейн с удивлением обнаружил, что эти машины очень похожи на те, что бегали в его родном мире. Мало того, окна машин не были затянуты всякими экранирующими пленками, а внутри сидели водители.

У Брейна не было с собой никаких средств — ни наличных, ни банковских карточек, но он решил, что как-то выкрутится.

Подойдя к машине, стоявшей первой в очереди, Брейн постучал пальцем по стеклу со стороны пассажирской двери, заставляя водителя обратить на себя внимание. За «размытым» стеклом нельзя было определить, кто там, гоберли или канзас, но когда стекло опустилось, Брейн с удивлением опознал варвара, очень похожего на него самого.

— Ну, чего тебе? — спросил таксист недовольно.

— Как чего? Ехать хочу.

— А, так вы клиент? — сразу расцвел улыбкой водитель и, щелкнув рычажком, позволил двери отползти в сторону.

— Клиент, — кивнул Брейн, садясь в кресло. Дверь тут же закрылась.

— А я гляжу — вроде униформа, значит, какой-то из охраны порта. Их здесь полно развелось, дармоедов.

— Нет, я военнотружущий.

— Ну, это другое дело, хотя и вашего брата в последнее время все больше, — сказал таксист и тронул машину — Брейн даже не заметил как, не было ни переключений тумблеров, ни нажатия кнопок или педалей.

Они скатились с парапета, но неожиданно включились тормоза, и машина заскрежетала по дорожному покрытию шипами аварийного тормоза, едва не упершись в поднявшиеся контрольные столбики, наглухо перекрывшие выезд.

— О нет! Харпинги! Они опять вернулись! — воскликнул водитель и в отчаянии ударил кулаком по рулю.

— Борт «двенадцать — двадцать пять — ноль восемь», просьба оплатить текущий тариф, — проговорил модулятор, и таксист выругался на каком-то неизвестном Брейну наречии.

— Ну твари! Ну твари, а? Вчера было три чака, сегодня уже восемь! — заголосил таксист. Однако, видимо, перевел сумму, поскольку столбики опустились, и машина нервно скакнула вперед.

— Нет, ну ты видел, а?! — воскликнул таксист, выворачивая на окружную магистраль вокруг портового здания.

— А что, вообще, происходит? — спросил Брейн.

— Так ты не местный?

— Нет, я издалека.

— Да понимаешь, в чем дело — порт всегда крышевали «шулманы», «борзеры» и «шинантраки». Слышал про таких?

— Нет, никогда не слышал.

— Значит, очень издалека, — сказал таксист и, прибавив машине тяги, обошел по запрещенной полосе сразу четыре беспилотных грузовика, двигавшихся бампер в бампер.

С одного из них сверкнула зеленоватая вспышка, и таксист снова принялся ругаться и колотить кулаком по рулю, отчего машина стала дергаться из стороны в сторону, однако ограничительных линий не пересекала — Брейн подозревал, что за этим следили специальные датчики.

— Ты чего раскричался?

— Да это подстава была коповская! Твари!

— А в чем подстава?

— Я совершил неправильный обгон, до полосы слежения еще восемьсот метров — думал проканаает, а у них тут видеодастер на конвое! Вот суки! Копы — суки! Я влетел на пятьдесят чакон!

— Ого! — покачал головой Брейн. Наверное, это была немалая сумма, учитывая, что сейчас у него в кармане не было никакой валюты.

— Кстати, соколик, а чем ты будешь расплачиваться? — сменил тему водитель.

— Ты знаешь, у меня с собой ничего нет, но в пункте назначения я этот вопрос решу, так что не беспокойся.

— Ну, это для меня не новость, — сказал водитель, снова прибавляя обороты, на этот раз обгоняя очередной грузовой конвой по всем правилам. — Что за пункт, в который мы должны приехать? А то я уже на втором уровне диагонального шоссе, пора определиться.

— Мне нужно что-то вроде... полицейского управления города.

— Полицейского? Ты сказал полицейского? — переспросил водитель, и Брейн увидел его лицо очень близко.

— Ну да, полицейское управление города или что тут у вас имеется?

— Так ты ко-оп?! — почти выплюнул водитель.

— Нет, сейчас я военнослужащий, который получил назначение в полицейское управление...

— Блин! Да что за день сегодня такой!.. — воскликнул водитель и вдруг, в нарушение всех правил, соскочил с третьей полосы на первую и включил аварийное торможение.

Из-под врезавшихся в бетонное полотно шипов полетели искры, а когда автомобиль остановился, таксист сказал:

— Вали отсюда, гнида!

— Эй, да куда же я пойду? — искренне удивился Брейн и огляделся. Они стояли на каком-то ярусе развязки, по которому проносились пилотируемые автомобили и множество роботов, в основном грузовых.

— Вали, гнида, пока я тебе башку не снес! — заорал таксист, и в его руке блеснуло лезвие ножа.

«Неожиданно», — подумал Брейн, и его пальцы, словно клещи, сомкнулись на запястье нервного таксиста.

Хрустнули суставы, и бедняга завопил так, что завибрировали звукоизолирующие панели автомобиля.

— Ну почему ты не можешь разговаривать нормально, а? — спросил Брейн, не ослабляя хватки. — Почему ты грубишь незнакомцам?

— Простите, сэр! Простите, пожалуйста!.. — орал таксист, который был уверен, что сейчас его сделают калекой.

— Просто отвези меня на место, я вызову казначея, или как это в ваших диких местах называется. Тебе подпишут счет, и мы разойдемся. Ты понимаешь меня, придурок, или с тобой нужно говорить на линейном языке?

— Нет, сэр, я вас прекрасно понимаю! — завопил таксист, и Брейн отпустил его. — Ой!.. Ой, как больно!.. — продолжал выть тот, растирая кисть.

— Перестань — я тебе ничего не сломал. Давай, поезжай скорее, меня там наверняка

уже ждут.

— А вы... уверены, сэр? — уточнил таксист, включая подачу. Только сейчас, когда одна его рука едва работала, Брейн заметил движения, которыми таксист управлял машиной.

Они снова поехали, и спустя минут десять все выглядело так, будто никакого инцидента и не возникало.

Брейн уже подумал, что доберется до управления без дополнительных проблем, но тут таксист свернул с основного шоссе на какую-то кочковатую дорогу.

— Куда это мы?

— Здесь можно срезать целых полчаса, сэр! — пояснил таксист, стараясь не смотреть клиенту в глаза.

«Ну что ж...» — подумал тот и вздохнул.

А между тем от самого порта за такси тянулся «хвост» — бежевый седан, какие в здешнем парке занимали едва ли не пятую часть частного транспорта.

Самая дешевая модель с паро-поршневой установкой — технологией столетней давности, но здесь, в Гринланде, она получила второе дыхание благодаря изобретению, сумевшему запускать разложение топливно-воздушной смеси еще на моменте всасывания.

Несколько электронных блоков, магнитные активаторы, то да се — и вот уже ваш автомобиль кушает двести пятьдесят грамм органического топлива на сто километров.

В этом непримечательном автомобиле находились двое сотрудников полиции, которым было приказано встретить нового сотрудника, присланного из стратегического резерва.

Приказ о встрече отдал майор Понги, отвечавший за кадровый состав полицейского отделения. Ну и неформально еще за некоторые направления работы — штатных заместителей на все дела у начальника отделения не хватало.

Наставляя, майор Понги сказал:

— Поезжай и встретить этого кадра. Время прибытия его «лингхорна» найдешь в расписании.

— А зачем нам какой-то новичок? — спросил лейтенант Григор, щеголь и варвар.

— Нам он не потребен, Григор, но в Главном Кадровом Управлении имеется отметка, что штат у нас неукomплектован, — врубаешься, офицер?

— О да, сэр.

— Вот поэтому... — Понги почесал бок. — Вот поэтому вы поедете с этим твоим... Бошингом?

— Боршинг, сэр. Не коверкайте его имя — гоберли это обижает.

— Послушай, Григор, не учи меня, как ладить с кадрами, не то я впишу в твое личное дело такое, что ого-го... Хочешь этого?

— Такого никто бы не пожелал, сэр, — смиренно ответил Григор.

— Вот и поезжай, куда сказано, и сделай, что приказали. Все понятно, лейтенант?

— Да, сэр, — ответил тот, поднимаясь.

— Ну, раз воспитательная часть моей речи, как я понял, пошла на пользу, добавлю — проверьте этого приезжего, нам нужно знать, с кем мы имеем дело и куда его девать, если совсем тут не приживется.

— В каком смысле проверить, сэр? Давайте тогда письменный приказ на карте.

— Ты еще скажи акустикой тебя снабдить, — зло усмехнулся майор.

— А что? Снабдите акустикой, а то, если что, вы сухим из воды, а мы с несчастным гоберли пойдем в комиссию на вопросы отвечать. Давайте уж по-честному, господин майор.

— Ладно, успокойся, я не имел в виду сразу... Ну, ты понял. Однако есть мнение, что нам подошлют стукача. Поэтому нужно быть готовым к разным поворотам, понимаешь? И не строй из себя цветочный бутон, Григор, я прекрасно осведомлен о твоих художествах в районе.

За Григором действительно числилось немало «подвигов», поэтому он опустил глаза и молча дослушал майора до конца.

Им с Боршингом надлежало встретить новичка, поговорить о том о сем, прощупать, что называется, и если получится, пригласить на дружескую вечеринку по случаю приезда.

— Отвезите в ресторан «Курдлофф» или еще куда, но чтобы не в забегаловку. Посмотрите, что пьет, что нюхает, может, какие-то таблетки предпочитает. Ну и все такое прочее.

Григор понял. Еще будучи сержантом, он отвечал перед начальством за подобные проверки и присмотр за теми сотрудниками, кто иногда кривился и нехотя выполнял некоторые неформальные приказы.

Григор был чем-то вроде еще одной внутренней безопасности, провоцируя неустойчивых на стукачество — и некоторые попадались.

По большей части их под каким-либо предлогом увольняли или перебрасывали в немислимые дебри — вроде должностей инспекторов по безопасности в горах, где выжить было практически невозможно.

В особых случаях применялись даже крайние меры.

По прибытии в порт Григор первым делом наведился в диспетчерскую, предъявил карту с голографическим орлом и потребовал, чтобы борт рейса, который предстояло встретить, направили на «северную стоянку».

— Но, господин офицер, там этот борт будет неудобно обслуживать, — заметил ему старший диспетчер смены, рыжеволосая рамийка, носившая черты программного отбора.

Программных легко можно было отличить по угловатым чертам лица, хотя это ее вовсе не портило. Да и форма ей шла. Однако, не поддавшись на чары дежурной, лейтенант строго повторил:

— На «северную стоянку», красавица.

И та кивнула. Григор мог быть убедительным.

Выйдя из служебного помещения, он поднялся на второй этаж, откуда из зала ожидания через огромные окна можно было видеть раскинувшееся до самого горизонта портовое пространство.

Оно было разделено на грузовую, пассажирскую части и «каботаж» — как называли местные, то есть ту часть, куда сваливали все, что не подходило под категорию комфортабельных лайнеров и грузовых тяжеловесов, таскавших грузы с орбит.

А иногда здесь, потрясая всех рокотом и своим видом, садились даже грузовики-дальнобойщики, которые в силу каких-то особых причин должны были разгружаться не в привычных орбитальных доках, а на поверхности планеты.

Такое бывало редко и являлось нерядовым явлением, ведь, не говоря уже о стоимости топлива и экологических последствиях, грузовые суда такого класса не имели аэродинамической оснастки, поэтому «падали» как булыжник, опираясь лишь на тягу дюз, которых у грузовика с массоизмещением в двадцать тысяч тонн могло насчитываться до двух десятков.

После такого вояжа в подветренных районах трое суток гремели громы и ливни смывали в пропасти горные дороги.

Именно поэтому подобные вояжи старались свести к нулю.

Однажды лейтенант Григор видел нечто подобное, когда еще служил младшим...

— Ну что?

— Чего? — отвлекся от воспоминаний Григор.

— Это я спрашиваю — чего? Чего ты придумал?

— Я ничего не придумал.

Григор проводил неприязненным взглядом пару офицеров-суперколверов. Они здесь

были большой редкостью, и варвары вроде него считали себя элитарной частью местного народонаселения.

Но одно дело напускать на себя важность перед низкорослыми гоберли и сухощавыми канзасами с «собачьими» зубами и совсем другое — быть значительным перед широкоплечими атлетами на полторы головы выше тебя.

Это непросто. В том числе непросто принять и осмыслить как норму.

— Рыжая сказала — отгонит в северный отстойник.

— Кто сказал? — не понял гоберли.

— Да там, формованная такая, — Григор нарисовал в воздухе силуэт фигуры диспетчерши. — Правда, личико у нее тоже формованное, но это пустяк, правильно?

— Неправильно. У меня другой подход к самкам.

— К женщинам, Боршинг, — поправил его Григор и насмешливо покачал головой.

Боршинг жил в городе уже семь лет, но все еще не мог перестроиться на местные правила и традиции, из-за чего с ним часто происходили всякие комичные случаи.

— Короче, давай сядем и будем ждать, когда прибудет наш борт, — сказал Григор, направляясь к ряду кресел, оборудованных всеми необходимыми функциями для расслабления, в том числе функцией «акустической кабины», когда укрытые в спинке аудиоинициаторы вырабатывали противоположные внешнему шуму амплитудные колебания, формируя для отдыхающего зону практически абсолютной тишины, куда заботливо транслировались объявления о прибытии или посадке на рейс, на который были зарегистрированы клиенты — как пассажиры или как встречающие.

Его принадлежность определялась датчиками в налокотниках кресел — по отпечаткам пальцев или целой ладони, которой клиент прикасался к регистрационному portalу, когда регистрировался на услугу пассажира или встречающего.

— А почему в отстойник, мы что — туда теперь поперемся? — догоняя напарника, уточнил Боршинг.

— Нет, братан, мы никуда не поперемся — мы займем первые места и будем, как в театре, наблюдать за тем, что будет происходить.

— Дурацкое дело этот твой театр. Там ни слова правды и все прописано заранее — думаешь, я не знаю?

Григор посмотрел на напарника и вздохнул. Все, прибывшие из районов, живущих по транскрипту Метрополии, напрочь отказывались понимать театр, линейные квадрофайлы — то есть литературные произведения, — романы и все такое. И еще — пищу.

И если к еде со временем они привыкали, то театр и художественную литературу постичь им так и не удавалось.

Живой тому пример — Боршинг, который был уверен, что театр существует для еды и выпивки, в том смысле, что этим занимались в антракте. А все остальное — прелюдия для поднятия аппетита.

Какое-то время Григор пытался вправить напарнику мозги, но из этого ничего не вышло, и впоследствии он сдался.

— Мы будем ждать прилета «каботаж», потом отследим, как его пассажир или несколько пассажиров болтаются между ограждений, пытаюсь добраться до главного здания, — сообщил Григор, с облегчением опускаясь на предварительно мягкое и податливое кресло. Лишь чуть позже, сосчитав биоритмы, кресла примут ту самую жесткость и бионическую форму, которая окажется самой оптимальной и полезной для конкретного

клиента.

— А смысл? — уточнил гоберли, занимая соседнее кресло и морщась. Ему не нравились все эти вибрационные ощущения, он не находил их приятными.

— Начальство сказало — проверить. А это значит проверить все — реакцию на прибытие, то да се.

— Один раз при такой проверке ты получил в ногу пулю с шоковым инициатором, — не без удовольствия напомнил гоберли.

— Не, ну чего ты вспоминаешь-то? Это была ошибка. Там я, признаюсь, переборщил, а тут все чисто. Просто посмотрим, как эти мыши лабораторные между заборами носятся. Понимаешь меня?

— Ай, — отмахнулся гоберли. — Делай что хочешь, я в ваши дела соваться не намерен.

Они просидели с полчаса в ожидании, пока на индикаторе часов лейтенанта Григора не появилось сообщение о прибытии нужного ему борта.

Привстав с кресла, которое тут же вернулось к первоначальной, базовой, форме, он подошел к прозрачному стеновому панно и увидел, как вдалеке замигали разноцветные огоньки шаттла, сигнализирующего оптической посадочной системе о своем прибытии, а также представляясь, чтобы система могла его опознать.

Одновременно на полях и со стартовых квадратов садилось и взлетало несколько бортов, но офицер Григор был достаточно опытен, чтобы обойтись без оптической подсказки — он и сам опознал нужный шаттл, и да, тот направлялся именно в «северный отстойник».

Снова пришлось ждать, и через несколько минут к Григору подошел Боршинг.

— Ну что? Появился кто-нибудь?

— Пока нет, — сухо ответил Григор. Он не любил этих расспросов напарника, а тот и не думал останавливаться.

— А что мы будем делать, если он где-нибудь затеряется?

— Ничего, пойдем домой спать.

— Ну-ну, — кивнул гоберли и обернулся на жужжащего робота-таблетку, который прошелся позади них, подметая невидимую пыль.

Чуть поодаль наяривал щетками другой робот. А еще дальше, вдоль стены, ехал еще один.

Пришло время уборки, и они выходили целыми бригадами.

Впрочем, никому старались не мешать и вежливо просили переставить ногу или багаж. А то и уточняли — не потерял ли кто найденный ими предмет.

Вот и сейчас один из них ткнулся в ботинок Григора и проблеял испорченным динамиком:

— Сэр, это не ваши продукты? Может быть, вы уронили?

Лейтенант недовольно посмотрел вниз и увидел зажатую в манипуляторе корку от фрукто-фрута — дешевого продукта фабричной работы, имитировавшего натуральные фрукты.

— Нет, приятель, я не ронял!

— Вы точно не собираетесь это доесть, сэр?

Гоберли захихикал.

— Нет, если хочешь, сожри сам! — начал выходить из себя лейтенант, едва сдерживаясь, чтобы не заехать ногой по этой приставучей таблетке.

— Эй, кажется, там кто-то идет, — первым заметил Боршинг, и действительно, из далекой темной зоны вышел одинокий пассажир. Он обошел электрошоковые заграждения и легко преодолел простые заборы.

— Думаешь, он?

— А кто еще оттуда идти может? И потом, кажется, он в этом мешковатом мундире, которые так любят в Метрополии.

— Да уж, — согласился Григор.

Вскоре им стало очевидно, что это именно тот, кого они встречали.

— Ну что, пойдём спустимся к нему? — спросил гоберли.

— Не торопись, — усмехнулся Григор. — Мы же только начали проверку.

Между тем незнакомец лихо забрался на парапет и скоро вступил в переговоры с одним из таксистов.

— Смотри, он говорит с Бешеным Бердом! — заметил гоберли.

— А я говорил тебе — не торопись, скоро начнется спектакль. Пойдем к выходу, чтобы не проспать момент, когда Бешеный выяснит, что везет копа. Уверен — тот проговорится!..

Между тем спектакль не состоялся — пассажир сел в такси, и Бешеный Берд отчалил, предоставляя Григору с Боршингом нестись по ступенькам вниз, то и дело нарушая правило скорости пересечения контрольных лазерных датчиков.

Их срабатывание основывалось на том, что нормальный законопослушный гражданин никогда не станет перемещаться в зале порта со скоростью, превышающей три метра в секунду. А если кто-то перемещался с большей скоростью, то это был преступник и его следовало задержать, для чего в зону дежурной полицейской части при порте отправлялось соответствующее сообщение.

Разумеется, случалось, что посылались ложные сигналы и полицейские укладывали на пол ни в чем не повинных пассажиров, желавших лишь поскорее попасть на борт своего лайнера, но это быстро выяснялось, и пассажир отделялся одним-двумя синяками.

Прежде над такими рассказами Григор только посмеивался, однако в этот раз система сработала от его и его напарника торопливости, и дежурная группа быстрого реагирования выскочила из своего подпольного бункера с выпученными глазами, на ходу передергивая затворы и движением головы сбрасывая замки бронированных забрал.

Распугивая пассажиров и встречавших, отряд из двенадцати закованных в броню бойцов неся с оружием наготове в то место, куда указал охранный навигатор.

Мало того, в тактических очках группы быстрого реагирования потенциальные враги уже были окрашены в красный цвет, и, едва Григор и Боршинг появились из-за угла, отряд в дюжину глоток заорал, чтобы те падали на пол и не думали сопротивляться.

Григор ненавидел такие накладки, но сам попадал в них дважды за месяц и пару раз в неделю укладывал мордой в пол своих коллег из другого района, другого города, а иногда даже из собственного отделения.

Если это случалось с коллегами, равными по званию или ниже, все обходилось смешочками и взаимной выставкой выпивки, но если попадали лица званием повыше, а то и из городского Управления, приходилось делать подношения пожирнее или отписываться отчетами днями напролет в специальной комнате, где аппараты психологической разгрузки соседствовали с приборами дознаний.

В этот раз все быстро прояснилось: стоило лишь Григору с Боршингом показать свои карты — программные фильтры на тактических очках группы быстрого реагирования тотчас

распознали своих, и старший крикнул:

— Стволы вверх! Давайте, ребята, бегите по своим делам.

И ребята побежали.

Когда они подскочили к своему седану, упущенный ими гость уже катил на такси по радиальному шоссе.

Спустя полминуты они выруливали на то же шоссе, отчаянно жестикулируя и крича на водителей и охранников на пропускных пунктах.

Это была территория их полицейского отделения, и здесь «своих» копов знали все заинтересованные лица.

Через несколько нервных минут и обгонов седан сел на хвост такси Бешеного Берда.

— Вон они, Григор! Успокойся уже! — крикнул Боршинг, опасаясь, что напарник наделает дел в азарте погони.

— Да вижу я, вижу, — отозвался тот, сбрасывая скорость. — Оп! А это что? — удивился он, когда такси, вильнув, остановилось на втором ярусе развязки. — Похоже, нашего гостя выкинут в окно, а, мой низкорослый друг?

И, заметив искривленную физиономию напарника, Григор радостно заржал. Но в этот момент такси вдруг тронулось и продолжило движение.

— Опа-на! Значит, откупился, — сказал Григор, прибавляя седану оборотов.

— Иногда мне хочется с ноги заехать в твою рожу, — признался гоберли.

— А я знаю, Боршинг, — не поворачиваясь к напарнику, ответил Григор. — Ты не первый, кто мне это говорит, но еще никто не попытался сделать это, сечешь?

Неожиданно раздался выстрел, и пуля штатной «девятки», прошив ботинок на правой ноге Григора, прошла точно между большим и соседним пальцем, вызвав ожог.

— Да ты с ящика рухнул, дебил!!! Придурок!!! — завопил Григор, не зная, что делать прежде — выруливать в сложнейшей обстановке или бросаться смотреть, что там с ногой.

— Больше не разговаривай со мной в таком тоне, — пояснил свои действия напарник. — В следующий раз отстрелю яйца.

Еще несколько минут в Григоре боролись несколько желаний — от немедленного расстрела Боршинга до выбрасывания его через окно так, чтобы тот сначала упал на второй ярус развязки, потом на первый, а только затем в заросли ядовитого кустарника, который произрастал в полной темноте и копил яд для такого случая.

— Ну ладно, — произнес лейтенант с неожиданной для себя покорностью. — Потом разберемся.

И какое-то время ехал, пытаясь шевелением ступней в ботинке определить, какое повреждение нанес ему неожиданный выстрел беспредельщика Боршинга.

Но вроде повреждение было минимальным, а стало быть, этот гоберли знал, что делал.

«Потом разберемся», — еще раз подумал Григор.

Миновав запутанные развязки пригорода, такси свернуло на улицу, которая вела в сторону старого промышленного района — основная часть предприятий была уже заброшена и являлась рассадником криминальных банд.

Они то и дело воевали друг с другом, досаждая полиции, которой приходилось выезжать на место совместно с силами пожарной охраны, поскольку из-за бандитских войн часто загорались какие-нибудь руины.

— Эй, я знаю, куда везет его Бешеный Берд! — воскликнул гоберли.

— И куда же, скажи нам, Бешеный Боршинг?! — зло поинтересовался лейтенант.

— Да ладно тебе обижаться!

— И это говоришь мне ты, который только что едва не отстрелил напарнику ногу?!

— Ну не отстрелил же... А на улице, ты знаешь, я тебя всегда прикрываю.

Какое-то время они ехали молча. Лейтенант держался подальше от такси, стараясь по привычке оставаться незамеченным, хотя сейчас это было необязательно.

— Ну хорошо, я куплю тебе новые ботинки, — примирительным тоном произнес Боршинг.

— С трехслойной подошвой! — тут же выставил условие лейтенант.

— Заметано, — вздохнул гоберли.

Он знал, что напарник мечтал о ботинках с тройной подошвой и технологией «слим-степ-аут», он обожал всякие новомодные штучки, хотя гоберли много раз говорил ему, что это всего лишь рекламные уловки, рассчитанные на лохов.

Лейтенант соглашался, но высокотехнологичная обувь была его бзиком.

— Я и без тебя знаю, куда везет его Бешеный Берд, — сказал он, снова пошевелив поцарапанным пальцем в простреленном ботинке.

«Нужно было еще носки с него просить», — подумал лейтенант с опозданием.

— Носки — сам, — произнес он вслух.

— Чего?

— Ничего. Я говорю — сам знаю, куда он везет клиента... Ах ты!

За очередным поворотом оказалась большая лужа, о которой знал таксист, но не знал лейтенант Григор.

Бешеный Берд проскочил по краю, а лейтенант...

— Ну ты впердолился! — прокомментировал гоберли, невольно закрываясь рукой, когда грязная волна захлестнула капот и лобовое стекло.

Григор добавил оборотов, и седан кое-как доплыл до берега, теперь уже намного отставая от такси, а стало быть, и от возможности повлиять на ситуацию.

— Грохнут они его, а нам отвечать, — пробормотал Боршинг, не глядя на лейтенанта.

Тот промолчал, выводя машину на сухой берег. Ситуация вырисовывалась скверная. Им поручили встретить и проверить, а что получается? Упустили. Сейчас выскочат трое с дубинами, которых Бешеный Берд вызвал условным сигналом, клиента выволокут, загасят на месте и сбросят в один из пустующих канализационных колодцев.

Их здесь полно — еще незанятых. Уж лейтенант это хорошо знал, дважды в неделю выезжая на место, где выуживали очередного невезучего.

Хорошо, что стукачи наводили, а если бы не они... Одним словом, проверить все

колодцы в промышленной зоне было нереально, а стало быть, и «глухарей» в архиве было выше крыши.

Выскочив из-за очередного угла, лейтенант резко затормозил — такси Бешеного Берда находилось всего в полусотне метров. Сам Берд что-то орал, размахивая руками, а еще пятеро мордovorотов с дубинами с забитыми в них гвоздями ожидали от него команды.

Гвоздей в дубинах отсюда видно не было, но лейтенант и его напарник в их наличии не сомневались — это был стиль здешних бандитов.

— Ну что, давай вмешаемся? — предложил гоберли.

— С чего это? Просто мы не успели вмешаться. Такое бывает.

— Как ты это докажешь? — не в силах оторваться от разворачивающейся драмы, спросил гоберли.

— Запускай видеозапись.

— Уже, — ответил напарник, коснувшись клавиши.

— Ну и все. Мы проскочили через лужу, движок чихнул — слишком много водорода для него вредно.

— Ты хочешь, чтобы его грохнули, что ли?

— Нет, доставай ствол. Когда начнут отоваривать — мы вмешаемся. Камера это зафиксирует, и нам плюс.

— Если бы знал, что ты такой коварный, я бы тебе в ботинок не стрелял.

— Ты мне не в ботинок, ты мне в ногу стрелял, на минуточку.

— Не пыли, кажется, они начали разделку.

— Что-то я там ничего не вижу.

Напарники действительно не могли ничего разглядеть, все происходило очень быстро, почти в темноте — орбитальные отражатели были повернуты не на самый лучший для этого района угол — сейчас их фокус смещался в более важные районы материка.

— Да там драка, Ламб! — воскликнул гоберли.

— Там не драка, они его сейчас грохнут. Ну-ка, за мной, напарник, и держи ствол наготове! — приказал Григор, выскакивая из машины. — Уй! Ой! — застонал он тут же, ступив ногой в простреленном ботинке. — Ты мне за это заплатишь, сволочь!

— Так договорились уже! — напомнил Боршинг, обегая грязную лужу и прыгая с кочки на кочку.

— И не забудь — стрельба в режиме «лоу»! — напомнил лейтенант, хромая вокруг лужи.

«Кто бы напоминал...» — подумал гоберли. Прошлый раз именно Григор открыл огонь из пушки с электронным нагнетателем, установленным на максимум. От одного выстрела половину машины подозреваемых разнесло в доски. В доски, блин! А ведь еще не было ясно, виноваты ли эти клиенты.

Потом две недели выправляли бумаги, подсовывая акты задержаний, оформленные задним числом. Та еще была работенка. И теперь он предупреждает — ставь на «лоу»!

Они выскочили к одинокому такси и увидели лежавших в разных позах бандитов — пять штук. Шестым с окровавленной мордой валялся Бешеный Берд. Теперь он выглядел не таким наглым, как в порту, когда орал в лицо копам, что никого не боится и у него лучшая «крыша».

«Крыша» действительно была неплохая — не подступишься, и Боршинг с Григором не скрыли злорадных ухмылок при виде побитого таксиста.

— Ну и где пассажир? — спросил лейтенант, забыв про боль в подраненной ноге.

— Нету его, — ответил Боршинг.

Сзади лязгнул затвор.

— Стволы на землю! Сами — лицом вниз! — скомандовал строгий голос.

— Мы из полиции! — воскликнул Григор, стараясь быть убедительным, но голос дал петуха — сказался шок и, возможно, простреленный ботинок.

— На землю, говнюки! — рявкнул невидимый герой, и Григор с Боршингом тотчас упали на землю.

Было слышно, как тот не спеша подошел, поднял оба пистолета и вытер их о пиджак Боршинга — здесь повсюду было сыро.

— Хорошие машинки, я таких никогда не видел.

— Мы из полиции... сэр... — выдавил лейтенант Григор.

— Чем докажешь?

— У нас имеются карты.

— Предъявляйте, только не торопитесь.

Григор и Боршинг осторожно вытянули карты с голограммами, и незнакомец, приняв их, какое-то время изучал.

— Ладно, один хрен, я в ваших удостоверениях не разбираюсь, но я вам верю, ребята. Пойдемте к вашей машине.

Полицейские с готовностью вскочили и принялись отряхиваться.

— А если бы нормально меня встретили, не было бы всего этого геморроя, — сказал гость, направляясь к полицейскому седану.

Остановившись возле машины, гость подождал хозяев, которые приближались с опаской.
— Ну давайте, открывайте, я же не знаю, как у вас тут все устроено.

Григор с Боршингом переглянулись, гоберли прошел к задней дверце и открыл ее касанием к панели.

— Пожалуйста, сэр. Или вы хотите сесть впереди?

— Нет-нет, — отказался тот и разместился сзади, на широком диване. Григор и Боршинг сели спереди.

— Куда ехать? — спросил лейтенант.

— Я не знаю. Вам ведь велели меня куда-то доставить?

— На квартиру! — вспомнил гоберли.

— А, точно, на квартиру! — закивал лейтенант.

— И чтобы вы наконец расслабились, вот вам ваши стволы и давайте, поехали скорее, а то здешний ландшафт наводит тоску.

С этими словами гость вернул оружие полицейским, и они повеселели.

Лейтенант включил двигатель и, лихо развернув седан на узкой дороге, помчал назад — к шоссе, ничуть не стесняясь влетать в огромные лужи.

— А вы, сэр, к нам откуда? — решился спросить гоберли через какое-то время. Гость очнулся от дремы, огляделся и прикрыл рукой зевок.

— Я к вам из резерва.

— Мы это знаем, но... слишком уж лихо вы этих монтажников разложили.

— Они выживут, — заверил гость.

— Я не об этом, сэр, вы оборонялись — это раз, и вы уже полицейский — это два. А они на вас напали. Тут без вопросов. Но все же, где же учат так разделяться с врагами?

— Ну, я военный. Бывший военный.

— А почему теперь к нам? — обернувшись, спросил лейтенант. — В резерв обычно закидывают всякий неликвид, а вы не такой.

— Ну, просто там, где я раньше работал, у меня закончились задачи.

— Или противники! — с готовностью подхватил гоберли, и все трое рассмеялись.

— Я, между прочим, лейтенант Григор! А этот парень — капрал Боршинг, мы напарники, — сказал лейтенант.

— А я — сержант Брейн. Томас Брейн.

— Очень приятно, Томас Брейн, — отозвался гоберли. — А вон и поворот к Кибянки.

— Кибянки?

— Это квартал, где находится ваше служебное жилье. Не то чтобы очень хороший район, но и не особо плохой.

— Да, у нас здесь многие из отделения проживают, — добавил лейтенант.

Они свернули с запутанных развязок в сторону многоэтажного массива, который выглядел не слишком приветливо из-за того, что в окнах здесь мало где горел свет. Куда заметнее были габаритные огни безопасности на крышах зданий.

Все это выглядело не так привлекательно, как показалось Брейну из иллюминатора шаттла.

— Это ничего, днем будет намного веселее, — угадав его мысли, заверил гоберли.

— Охотно верю.

Скоро они заехали внутрь квартала и стали петлять по каким-то, как показалось Брейну, коридорам. Впрочем, вскоре он понял, что это были проездные магистрали под домами. Практически они ехали по подвалам, а точнее, по дорогам, проложенным в подвальной части домов.

«Наверно, тут так принято», — подумал Брейн, и вскоре они выехали в слабо освещенный двор. Это уже было похоже на привычную Брейну архитектуру.

— На самом деле все не так скверно, Томас, — сказал лейтенант, останавливая машину. — Просто я сократил путь, и мы проехали через помоечные дороги, но нормальная объездная тоже имеется — только подъезжать оттуда неудобно, да и далеко.

— А еще там везде кустики с наркоманами, — некстати добавил гоберли. И смущенно улыбнулся.

— А почему помоечные? — спросил Брейн.

— Потому что по ним мусоросборники проезжают и всякие прочие обслуживающие машины. Ну что, выходим?

— Выходим, — согласился Брейн, выбираясь из машины и осматриваясь.

Воздух был сырым и студеным. Пахло какой-то болотной сыростью, однако, судя по грязноватому виду высотных зданий, здесь могло пахнуть и похуже.

— Не забудь джамбер и набор карточек, — напомнил напарнику Боршинг.

— Да, точно! — кивнул тот и, обойдя машину, достал из багажника какой-то предмет — что-то вроде универсального солдатского котелка, который в походе мог работать на любом топливе.

В доме, где предстояло жить Брейну, оказался лифт — просторный, вполне годившийся и в качестве грузового. Правда, двигался он очень медленно и скрипел. Однако до нужного этажа они добрались без проблем и вышли на площадку, мощенную пластинами из синтетического камня.

На площадке оказалось четыре двери со смазанными, нанесенными краской номерами. У двух отсутствовали ручки — остались только следы от креплений, которые были вырваны.

Дверь в жилье Брейна оказалась с массивной пластиковой ручкой. Остановившись напротив нее, лейтенант Григор передал неведомый прибор-котелок напарнику, достал из кармана целую пачку карточек и начал поочередно прикладывать их к грязноватому пятну на двери.

— Ты что, не мог сразу взять нужную карточку?

— Не смог. Они у меня в ящике врассыпную валялись.

— Ты не мог их разобрать, что ли?

— Я их несколько раз разобрал, классифицировал и даже нумеровал, но потом они опять рассыпались, — пробурчал лейтенант.

— Эй, у тебя, кажется, дырка в ботинке, — заметил Брейн при свете тусклого светильника.

— Да ну? — сыграл удивление лейтенант. — А я думаю, чего это мне поддувает. Ты слышал, Боршинг?

— Давай подбирай скорее, а то мы тут заночуем из-за тебя, — сменил тему напарник. И вскоре одна из карточек сработала.

— Во! Это она, держи, Томас! — обрадовался лейтенант, вручая Брейну ключ от квартиры.

Забрав у гоберли прибор, лейтенант первым прошел через прихожую и оказался в большой комнате, такой большой, что там вполне можно было поставить теннисный стол.

Кроме единственной огромной комнаты в квартире были большая кладовка, кухня и совмещенный санузел.

— Обычный? — спросил Брейн, кивая на слишком большой, по его мнению, унитаз.

— А какой еще бывает? — не понял Григор.

— Ну, может быть, какой-нибудь, вакуумный?

— Нет, это точно не вакуумный. Эй, Боршинг, ты слышишь? — наострил уши лейтенант.

— Да, вроде они уже появляются, — утвердительно кивнул гоберли.

— Кто появляется? — уточнил Брейн, поглядывая то на одного, то на другого полицейского и даже оставаясь готовым к каким-то шуткам или розыгрышам. Но шуток не было.

— Это штифт. Штифт привлекает свет от включенного освещения, — пояснил гоберли.

— Ага, — ответил Брейн, так ничего и не поняв.

Между тем лейтенант вышел из санузла и медленно двинулся через крохотную прихожую в большую комнату. За ним последовал напарник гоберли и последним — совершенно заинтригованный Брейн.

То, что там происходило, было для лейтенанта и его напарника делом обычным, но на Брейна произвело почти что шоковое воздействие.

По стенам, потолку и казенной потертой мебели из старого вспененного пластика бегали громадные, похожие на тараканов жуки и сороконожки длиной в полметра.

Время от времени они сталкивались, и между ними завязывались жестокие схватки. Огромные насекомые сваливались на пол и продолжали схватки там, пока кто-то не оказывался победителем. И все происходило совершенно бесшумно.

— Давно обработку не проводили, — сказал лейтенант, выходя на середину комнаты и ставя прибор-котелок на пол.

— Просто давно никто не жил, — сказал гоберли. — А ты провода взял?

— Какие провода? Это полностью автономный джамбер.

— Пороховой, что ли?

— Обижаеть... — сказал лейтенант, подкручивая какие-то механические колесики. — Обижаеть, — распрямляясь, повторил лейтенант. — Литиевая затравка. Все как в лучших домах.

— На сколько ты выставил?

— На десять секунд.

— Ну и какого хрена мы стоим?!

— А точно! Бежим! — крикнул лейтенант, и Брейн первым бросился из квартиры.

Когда все трое оказались на лестничной площадке, этаж крепко встряхнуло, так что мигнули осветительные панели и где-то послышались вопли потревоженных жильцов.

Брейн в первые мгновения ожидал каких-то обрушений — настолько сильной была встряска, но по реакции обоих полицейских понял, что дело это для них вполне обыденное, и после взрыва они спокойно вернулись в квартиру.

Брейн последовал за ними и снова с удивлением обнаружил, что стены и потолки разукрашены силуэтами, недавно ползавших здесь чудовищ, как будто кто-то весьма искусно

нанес трафареты с чуть размытыми границами.

— О! Теперь полный порядок! — торжественно произнес лейтенант.

— А что это было? — спросил Брейн.

— Штифт.

— Это название насекомых, что ли?

— Штифт — это то, чего нет и что было когда-то, — пояснил лейтенант, поднимая с пола такой полезный прибор.

— Как это нет?

— Ну, мы и сами это не особенно понимаем, — вмешался гоберли. — Чего-то там по физике, какие-то наложения и квантовые тени, которые мы проецируем в виде этих образов.

— Так, а почему они не бегали по полу? — спросил Брейн указывая на свободный от трафаретов пол.

— Потому что это явление двухфазного измерения. То есть полная вертикаль и полугоризонталь в квантово-радиальной системе координат, — сообщил гоберли.

— Ага, — кивнул Брейн. — Ну а как насчет покраски какой-нибудь или освежающего ремонта?

— В смысле? — не понял лейтенант.

— Ну, замазать эти художественные картины, а то они какие-то непозитивные.

— К утру они почти исчезнут.

— Вот как? — Брейн еще раз осмотрелся. — Ну хорошо. А это, значит, ваш прибор их отсюда разогнал?

— Да, это джамбер, — кивнул лейтенант.

— И как часто нужно его применять?

— Обычно при въезде в нежилое помещение его используют, чтобы прогнать этих тварей.

— А насколько они опасны? Они могут напасть, покусать?

Полицейские засмеялись. Им такой вопрос показался совершенно наивным.

— Нет, укусить они не могут, ведь они формируются сознанием. Но по мере того как вы находитесь рядом с ними, ваше сознание делает их все более страшными, омерзительными, и это здорово портит жизнь.

— А привыкнуть к ним нельзя? — уточнил Брейн, снова и снова поглядывая на испещренную жуткими силуэтами комнату.

— Нет, ведь они все время совершенствуются. Как только вы привыкнете к одному виду монстров, они становятся еще более ужасными. То, что вы сегодня видели, — это пустяки.

— Значит, на какой-то длительный период я свободен от этой дряни, так?

— Разумеется, Томас.

— Так, ребята, теперь покажите мне, что там на кухне — чтобы я без вас не страдал от голода, — сказал Брейн, переходя на кухню.

— Вот это мейдер? — спросил он, указывая на какой-то похожий агрегат.

— Нет, — сказал гоберли. — Это печка для быстрого разогрева консервов.

— Консервов? А что, у вас батончики еще и консервируют?

Полицейские переглянулись и захихикали, а лейтенант еще и указал на гоберли пальцем.

— Это он к тому, что, когда я прибыл сюда, тоже искал батончики — мне было непривычно, что могут есть еду в таком — первобытном виде.

— А, так у вас тут не батончики?! — начало доходить до Брейна.

— Нет, у нас тут везде консервы. Ну или натуральные диеты для миллионеров.

— Подождите, ребята, давайте уточним. Я что, могу купить банку с мясом или горошком? Со сладкой кукурузой, персиками?

— Разумеется. Только не все это будет натурального происхождения, однако внешне и по вкусу горошек будет горошком и так далее.

— Приятно это слышать, — сказал Брейн и, подвинув кухонный стул, сдул с него пыль и сел, оглядывая небольшое помещение. — А мейдер...

— Вот он! — указал лейтенант Григор на стеновую панель. — Правда, в нем лампа уже, наверное, старая. Нужно будет заменить. Но это за свои деньги, а вся обстановка и даже постельное белье вместе с набором тонких и толстых одеял, а также пяти видами подушек — за счет казны.

— Подушки? Здесь есть подушки?

— Да, — подтвердил гоберли. — Они находятся в подушечной нише в кладовке.

— Подушечная ниша, — повторил Брейн и покачал головой. — Кто бы мог подумать.

Вдруг он поднялся, подошел к тому, что, безусловно, было кухонной мойкой, и, щелкнув по клапану подачи жидкости, подставил руку, на которую полилась вода.

— Вода! Здесь есть вода! — воскликнул он, поворачиваясь к полицейским.

— Прикрой, Томас! Это дорогое удовольствие, и счетчик накрутит тебе немалые суммы. В основном все пользуются заменителем или смесью воды и заменителя, — пояснил лейтенант и, подойдя, помог Брейну надежнее перекрыть утечку драгоценной влаги.

— Мне бы поесть чего, живот уже крутит.

— Давай заглянем в холодильный шкаф, может, что-то осталось от прежнего жильца.

— А кто был прежний жилец? — спросил Брейн.

— Другой инспектор.

— А где он сейчас?

— Пристрелили его. Полез дальше, чем полагалось, и получил двести восемнадцать пуль, — сказал лейтенант.

— Сколько?! — поразился Брейн.

— Это стандартный магазин армейского пулемета, — пояснил гоберли. — Эксперты проверяли — ни одна пуля не ушла в сторону.

— В упор били?

— В том-то и дело, что нет. Дистанция была порядка пятидесяти метров.

— Так это профессионал, каких мало, — заметил Брейн.

— В том-то и дело. Профессионал за большие деньги, но Лефлер зацепил крутых персон.

— Лефлер — это прежний инспектор?

— Да, тебя вызвали на его место, — добавил гоберли, и они с лейтенантом переглянулись, ожидая реакции Брейна.

— Вот как, — качнул тот головой и, подойдя к холодильному шкафу, открыл его. — Эй, да тут еще консервы остались.

Он достал пару овальных баночек и прочитал названия. Это оказались тушеные овощи.

— «Равноценные натуральным». Этому можно верить?

— Да, — подтвердил лейтенант. — Вкусная штука и недорогая. У нас все этим кормятся.

Брейн нашел еще пару упаковок каких-то пластинок — по виду копченого мяса, мягкий сыр в высоком стаканчике и галеты. Еще нашлось несколько больших коробок с картриджами для мейдера, но это Брейн решил оставить на потом.

Новые знакомые убедили Брейна не трогать пока запас из холодильника и пойти поест в ближайшее заведение.

— К тому же там мой товарищ собирается сделать мне подарок, — сказал лейтенант и многозначительно посмотрел на гоберли.

— Не, ну я и не отказываюсь, — выдавил тот.

— Из каталога, — добавил лейтенант.

— Ну, из каталога, — согласился напарник.

— И потом тебе, Томас, нужно открыть кредитную карту — долго на этих консервах ты не протянешь, — сказал лейтенант. — Ну и одежду пора сменить — тут у нас большой город, люди носят гражданскую одежду, а не этот солдатский мешок.

Брейн посмотрел на свои безразмерные штаны, обувь универсального размера и согласился с лейтенантом, который по сравнению с ним выглядел щеголем — в темной куртке под кожу, узких брюках и стильных ботинках, один из которых был прострелен.

Гоберли выглядел попроще: куртка спортивного покроя под шерстяную ткань, водолазка.

Брюки у него были пошире и обувь попроще — с круглыми носами.

Они вышли из квартиры, Брейн карточкой-ключом запер дверь, и в этот момент открылась дверь соседней с ним квартиры, из которой вышел здоровенный суперколвер в майке и с заметно обвисшими мышцами.

Он был лысоват, его глаза блестели, и от него разило спиртным скверной очистки.

Довершала этот образ дубина, сделанная из нескольких кусков металлизированного пластика, перемотанных медицинским пластырем.

Было видно, что оружие делалось заранее, а значит, хозяин намеревался применять его регулярно, и это также характеризовало обстановку в этом районе.

— Ты... это... — произнес он, глядя куда-то мимо Брейна, лейтенанта Григора и капрала Боршинга.

— Иди спать, дружок, мы за тебя подежури́м, — заверил его лейтенант.

— Ты... это... — еще раз выдохнул суперколвер, но сообщение все же обработал, после чего медленно повернулся, толкнул свою дверь и скрылся в квартире.

— Видишь, Томас, какие у тебя миролюбивые соседи, — сказал лейтенант, вызывая лифт.

В этот момент в квартире миролюбивого соседа послышался грохот, а затем крики хозяина:

— Зашибу! За-ши-бу!

И снова грохот.

— Может, нужно вмешаться? — спросил Брейн.

— Ай, оставь, — отмахнулся лейтенант, заходя в прибывшую кабину лифта. — Будет приказ — вмешаешься. Наше начальство особо инициативных не любит.

Пока спускались, Брейн продолжал обдумывать ситуацию, в которой оказался. В Метрополии ему приходилось привыкать к другому укладу жизни: другой пище, другой гигиене, другой одежде — там все было другое. А здесь очень многое напоминало ему родной дом.

Они сели в машину, а когда отъехали от подъезда, он спросил:

— А почему здесь все так не похоже на Метрополию? Это скорее какой-то вариант моего родного радостного мира.

— Но тебе ведь нравится? — уточнил лейтенант и засмеялся.

— Но разве ты не привыкал к этому?

— Я здесь родился и другого мира себе не представляю. А вот коллега Боршинг прибыл сюда, можно сказать, из Метрополии — у него до сих пор шоковые моменты проглядывают. Да, коллега Боршинг?

Гоберли кивнул.

— Бывает. Особенно трудно со спиртным.

— Да, кстати, этот здоровяк в майке — точно таких типов я не раз встречал у себя дома. Здесь что же — есть спиртное?

— Ха! Ну ты сказал, Томас! — воскликнул лейтенант, и даже машина вильнула, отзываясь на эмоциональную реакцию. — Конечно, имеется, и в любом количестве! Здесь нормальная жизнь, а не существование замухрышек, как в Метрополии.

— Потому и криминала выше крыши, — негромко добавил Боршинг, глядя в окно.

— Ну, это конечно, но у нас тут специфика такая — город большой, — пояснил лейтенант. — В местах, где людей поменьше, совсем другое положение дел.

— Ты сказал «людей»? — удивился Брейн.

— Да, я сказал «людей». Вполне себе симпатичное линейное словечко, его здесь повсеместно используют.

— Здорово, — вздохнул Брейн и улыбнулся. Забылось даже тяжелое впечатление от этих насекомых, которых вроде бы и не было, но следы остались. Правда, и они исчезнут.

Он с удовлетворением отметил, что здесь нет этих глухих пласто-бетонных щитов, закрывавших дома и тротуары от шума автомобилей. Но на улицах с движением в несколько полос защитные щиты все же имелись, однако они были прозрачными и не скрывали тротуаров, пешеходов на них, красиво оформленных витрин и неоновых вывесок.

Теперь Брейн узнавал тот самый город, который видел из узкого иллюминатора шаттла.

А еще он стал различать женщин! Да, он снова их видел! В том смысле, что определял издали. Не то что в Метрополии, где, даже поравнявшись с женщиной, он не был до конца уверен, что это представительница слабого пола.

В особенности это касалось суперколверов. У гоберли и канзасов все же женщины отличались какой-то другой пластикой и смягченными чертами лица, хотя одежду носили столь же невнятную, как и женщины-суперколверы.

Здесьняя городская архитектура также сильно отличалась от Метрополии с ее простыми ящиками — функциональными и предельно простыми постройками.

А тут имелись декорирующие элементы: колонны, карнизы, наличники, какая-то лепнина — все, чтобы радовать глаз.

Они заехали в крытый павильон, который оказался чем-то вроде стоянки. Подошедшему охраннику или распорядителю — Брейн еще не совсем понимал в здешних порядках — лейтенант показал карту, и тот указал место для парковки.

— Это похоже на торговый комплекс, — сказал Брейн, выходя из машины.

— Ты не ошибся, — кивнул лейтенант. — Здесь можно поесть, посмотреть театральную постановку, купить наркотики, одежду, получить наличные или оформить новую банковскую карту. Тебе нужна корпоративная — от полицейского управления.

— Давай прямо с этого и начнем, — предложил гоберли. — Чтобы потом спокойно поесть.

— Согласен, — сказал лейтенант и направился к эскалатору, доставлявшему посетителей на второй ярус.

Брейн с интересом разглядывал публику и отметил, что, несмотря на то что здесь были намешаны варвары, суперколверы, канзасы, гоберли и еще какие-то родственные этим расам народы, в них не было той разобщенности, которая сразу бросалась в глаза в Метрополии, где между гоберли и суперколвером была пропасть.

— Ага, вон я вижу терминал, — сообщил лейтенант, когда они выбрались на платформу, выложенную электронными экранами, дававшими ощущение, будто идешь по травяному газону.

Брейн заметил, что привлекает внимание — его мешковатая одежда бросалась в глаза. И это было плохо. Из опыта, связанного с особенностями его службы, он знал — чрезмерное внимание добавляло проблем.

Брейн впервые видел такую процедуру — лейтенант приложил свою карту к отметке на панели терминала, и тот компьютерным голосом вежливо поздоровался, назвав лейтенанта по имени.

— Чего вы хотите, сэр? — спросил после этого компьютер.

— Я хочу открыть казенный счет на нового сотрудника полицейского управления, — сказал Григор.

— Одну минуту... Итак, четко произнесите его полное имя.

Лейтенант подал знак Брейну, чтобы он представился. Тот невольно вытянул шею и произнес:

— Томас Брейн!

— Тома Биндейн? Это актер? Это же актер, нет ли у вас другого имени?

— Томас Брейн!!! — повторил Брейн, стараясь, чтобы его произношение было безупречным.

— Томас Брейн, — повторил компьютер. — Но ведь вы не актер.

— Нет, я не актер, — подтвердил Брейн.

— Да и так все ясно... — буркнула машина. — Одну минуту.

Брейн посмотрел на Григора, и тот кивнул — дескать все идет как надо. Брейн взглянул на капрала Боршинга: тот сосредоточенно гонял на планшете «пятнашки». Именно так эта игра называлась в его далеком детстве в его далеком мире.

Брейн улыбнулся.

— Нету никакого Томаса Брейна в штатном расписании полицейского Управления города, — выдал компьютер. — Лейтенант Григор, вы еще здесь?

— Э... Так точно, я еще здесь, — ответил лейтенант, невольно подавшись диктаторским ноткам в голосе компьютера.

— Лейтенант, нет никакого Томаса Брейна в полицейском Управлении города. Но мы допускаем иной ввод личностного кода.

— Например?

— Вариант первый: знание всех родственников до третьего колена по материнской линии...

Лейтенант взглянул на Брейна и тот отчаянно затряс головой, показывая, что это

невозможно.

— Это невозможно! Давайте другой вариант! — продублировал лейтенант.

— Дайте адрес проживания пресловутого «Томас Брейн»...

— Он не пресловутый.

— Перестаньте, лейтенант, просто дайте адрес. Можно обмануть банк, стоя на проспекте Сильвер-Бридж в одних трусах и держа заставку перед камерой терминала, но никому не удастся передвинуть дом, аэродром или что там еще бывает...

Лейтенант взглянул на Брейна еще раз — тот кивнул.

— Хорошо, адрес Томаса Брейна: Кавалькада авеню, пятнадцать, квартира сорок семь.

— Одну минуту...

Лейтенант повернулся к Брейну и подмигнул. Дескать, все под контролем.

— Есть такой адрес, и квартира принадлежит полицейскому Управлению. Да... Это первый плюс, лейтенант Григор.

— Замечательно, что вам еще нужно?

— Ничего. Это Рундстап Лефлер, мы не ошиблись?

— Вы не ошиблись! — прокричал в отчаянии лейтенант и тотчас показал кулак капралу, который попытался что-то добавить.

— Что ж, лейтенант, благодарим вас за помощь, на ваш счет отправлено двадцать восемь чачов за помощь и верность нашему банку. Всего хорошего.

На этом странный диалог закончился, внутри терминала что-то закрутилось, заурчало, а затем на специальную полочку выпала карточка.

После чего терминал погас, и стало слышно лишь пощелкивание перегретого трансформатора где-то внутри его конструкции.

Брейн взял выпавшую карточку и прочитал имя вслух:

— «Рундстап Лефлер». Ребята, и что мне теперь с этой штукой делать?

— Просто совершай покупки, — посоветовал лейтенант.

— Но тут же не мое имя!

— Не парься, — посоветовал капрал. — Я одно время вообще ходил женщиной — Нормой Стилл. Но когда все выяснилось, имя на карточке переправили дистанционной навигацией. И тебе поправят. Но пока что ты — Рундстап Лефлер.

— Я не хочу быть «Рундстап Лефлер», он получил двести восемнадцать пуль, — заметил Брейн, все еще рассматривая карту и не допуская, что она стала частью его самого.

— Да брось, это же формальность, и скоро там все починят. Получат информацию из Управления, и имя на твоей карточке изменится. Ты станешь самим собой! — заверил Григор.

— Думаешь?

— Да вон же у Боршинга с такой же фигни началось — какие-то данные неправильно введены были, но потом перетрафаретили.

— Правда, что ли? — спросил Брейн у гоберли. — Ты же говорил — женщина?

— Да, а потом переправили на мужчину, но другого. Поначалу было неудобно, как будто я какой-то там «Вангайм». Но потом я однажды глянул, а на карте уже все мое написано.

— Это как, на расстоянии, что ли, написали? — не понял Брейн.

— Ну да.

— Ничего себе технологии, — покачал головой Брейн и посмотрел на новую карточку с уважением. Иероглифические знаки на ней выглядели выпуклыми и весьма основательными,

словно штамповка на металле. Как это можно изменить на расстоянии?

— Так что теперь милости просим в отдел одежды, — лейтенант указал на сияющий вывеской магазин — тут же на территории торгового центра.

— Ты хочешь сказать, что...

— Да-да, поскольку теперь ты при деньгах — там ведь на карте указан кредит?

— Э-э... — Брейн поискал глазами указание о кредите. — Тут написано: «предоставлен кредит в размере четырех тысяч чаков».

— Вот! Это чуть меньше твоего месячного жалованья. И примерно двенадцать костюмов категории «цэ».

— А сколько всего категорий?

— Три. А-бэ-цэ.

— Совсем тряпье, что ли, предлагаешь?

— Ну почему? Вон, коллега Боршинг из категории «цэ» просто не вылезает.

Брейн невольно посмотрел на гоберли. Тот смущенно одернул куртку и поставил ноги как на построении, чтобы его обувь казалась повыше рангом.

Разумеется, его одежда отличалась от того, что носил стильный лейтенант, но Брейн подозревал, что Григору это выходило в копеечку и он шикавал, нося вещи чуть выше того уровня, который мог себе позволить на полицейское жалованье.

— А ты, Григор, какую категорию носишь?

— Он таскает обноски секонд-хенд, — быстро сообщил гоберли.

— Что бы ты понимал! — вскинулся лейтенант. — Я покупаю практически неношенные вещи самой высшей категории!

— Ладно, ребята, не ссорьтесь. Пожалуй, я остановлюсь на серединке, правильно? Один прикид, так и быть, возьму по второй категории, но остальное... — тут он повернулся к гоберли, — только по необходимости — мне деньгами сорить резона нету.

— Вот! — воскликнул Боршинг, обращаясь к лейтенанту. Брейн понял, что это их какой-то давнишний спор, и влезать в него не собирался.

— Кстати, ребята, — сказал он, чтобы сменить тему. — А почему тут деньги указаны какими-то смешными словами?

— Что значит смешными? — не понял лейтенант.

— Ну вот это — «чаков». В Метрополии мы рассчитывались полноценными сакверами. А это что?

— Дело в том, что сакверы ходят только в Метрополии и колониях.

— А здесь что, не Империя, что ли? — слегка удивился Брейн.

— Не, ну территория-то, конечно, имперская, — согласился лейтенант. — Однако тут в основном проживают «миграционные массы». Ну, типа тебя — варвары. Ну и какое-то количество представителей коренных народов Империи.

— Но варваров намного больше! — добавил гоберли. — Процентом эдак восемьдесят, поэтому тут все по-ихнему — то есть по-вашему.

— Томас, не слушай его, просто тут собственный климат. А территория называется «Западное Бариноко», или Четвертый присоединенный округ. Вот так.

— Западное Бариноко — это название материка, — подсказал гоберли, видя, что Брейну осмысление новой информации дается нелегко.

Утром, еще до начала развода в полицейском отделении Пятого района, лейтенант Григор держал ответ перед начальником отдела кадров майором Понги, немолодым и прожженным варваром, повидавшим немало начальников, которые приходили и уходили на повышение или в тюрьму, что случалось реже, но тоже бывало.

Попадали под раздачу и заместители. А особенно заместители по хозяйственному обеспечению, но кадровиков никто не трогал. А чего с них взять? Папки туда-сюда двигают, ни за что не отвечают. А то, что вора проглядели, так вот же досье, там черным по белому «безупречен и честен» — ну неужели они высоким подписям со штампами противоречить будут?

И все. И не подкопаешься. Однако кадровики, с подачи начальства, решали все. Вот и в этот раз.

— Давай не спи, сволочь, зря я, что ли, тебе такси оплачивал? — теребил сонного лейтенанта майор Понги.

— Да ладно, все равно спишете на Управление... — пробубнил тот, пытаясь сесть на стуле ровно.

— Хватит ерзать, пижон. Давай по делу — претендента встретили?

— Встретили, сэр, — кивнул лейтенант, садясь ровнее.

— Что за человек?

— Что, простите?

— Я говорю — «что за человек»? Так положено называть варваров, разве не слышал?

— До сегодняшнего дня не слышал. Я слышал, говорят — «люди».

— Ну, еще говорят «человек». Так что с человеком?

— Чело... Человека мы встретили.

— Давай в подробностях, кое-что я уже знаю из отчетов операторов видеонаблюдения, так что соврать не получится.

Лейтенант посмотрел на сердитое лицо кадровика и врать не решился.

— Встретили нормально.

— А поточнее?

— Ну, мы стояли у окна и наблюдали, как претендент идет к зданию, а потом он — раз, и забрался на парапет прямо к таксистам. Ну, вы знаете, они там кучкуются.

— Знаю, — сухо ответил майор, и по его виду нельзя было понять, имелось ли у него на эту часть рассказа лейтенанта видеоподтверждение.

— Потом он неожиданно быстро захватил такси. Ну, в том плане, что мы даже не успели вмешаться, как он оказался в машине с Бешеным Бердом, ну вы знаете, кто это такой.

— Знаю, — сухо ответил майор.

Григор вздохнул. Он двигался практически на ощупь, что грозило ему поймать в днище своего сочинения какой-нибудь камень, однако расколоться перед начальством сразу было бы глупо.

— Мы с напарником встали им на «хвост» и поехали следом, потому что Бешеный известен как беспредельщик, а претендент мог проговориться, что он полицейский. Ну а потом мы увидели, что такси остановилось...

— Где остановилось?

— На трехъярусной развязке, на втором повороте к Северному шоссе — прямо возле аэропорта.

— Давай дальше.

— Ну, мы решили, что Бешеный решил избавиться от клиента, и уже собрались выскочить и повязать мерзавца, но тут...

— Вот сейчас было неубедительно, — прервал майор рассказ лейтенанта.

— Что?

— Я сказал, что твой рассказа звучит фальшиво.

— Ну, другого рассказа у меня для вас нет, сэр, — пожал плечами Григор и даже сам подивился своей дерзости.

«Ну ты и дурак», — сказал он себе, ожидая от кадровика какого-нибудь карающего действия. Но тот лишь выдержал небольшую паузу и сказал:

— Дальше.

— Короче, мы не успели выскочить, а они поехали дальше и так наворачивали повороты, что мы за ними едва поспевали и догнали только в промышленной зоне, где происходило уже что-то нехорошее. Мы с капралом Боршингом выскочили с оружием наготове, но нашли только пятерых бандюганов и Бешеного Берда, которые лежали в грязи, но были живы. Мы тогда пошли обратно и встретили претендента, который ждал нас возле полицейской машины.

— Что он сказал вам?

— Он сказал, что на него напали, а мы представились и предложили отвезти на его квартиру. Он обрадовался и мы отвезли.

— Все?

— Все.

— А я слышал, что он вас едва не закопал в этой промышленной зоне.

— Ну, может, я чего подзабыл, сэр. Сначала была погоня, потом эти скачки по грязи и лужам в промзоне, потом... Одним словом, был шок, мы с напарником были шокированы. Но слегка. Только слегка, сэр, ведь мы профессионалы.

Исчерпав свой рассказ, лейтенант замолчал, ожидая, скорее всего, негативной реакции сердитого майора.

— Что, Григор, этот парень действительно крут?

— Ну, как вам сказать, сэр...

— Григор! — одернул его майор.

— Да, сэр, парень крутой. И это для нас с напарником стало неожиданностью. Ну, мы хотели его проверить и... И проверили.

Майор вздохнул, поправил высокий ворот мундира и сказал:

— Ладно, проехали. Вернемся на землю. Ты ситуацией на Старых причалах владеешь?

— Ну, более-менее, — осторожно ответил Григор.

— Там у Глиферса непонятки с ребятами из Фиш-энда. Нужно разрулить.

— А какого рода непонятки?

— Вроде бы Фиш-энд поставил Глиферсу некачественный товар. Но те клянутся, что подмена случилась где-то по дороге. Одним словом, забились опираться на «крышу», то есть на наше отделение. Поэтому арбитром поедешь ты и захвати напарника. Разберитесь досконально, нельзя, чтобы нормальные пацаны несли убытки, ну и не заносили нам того, что заносить обязаны.

— Я понял, сэр. А потом я могу взять выходной?

— Какой выходной, Григор? А работать за тебя кто будет? Кто будет ловить карманников, чоккеров, грабителей? Или безопасность жителей города тебя уже не интересует?

— Прощу прощения, сэр. Погорячился, — сказал лейтенант, поднимаясь.

— То-то же. Давай двигай, и жду вечером от тебя отчет.

— Какой?

— По Старым причалам. По работе отпишешься замначу отделения, он уже после обеда будет на службе.

В пыльном подвале магазина «Омега», торгующего гравитационными соленоидами и приборами расчета трафика транспортных систем, имелось лишь одно чистое место, которого не касались лапы крыс-бокоходов и окисляющих пластобетон амебных колоний, — место под дюжиной кварцевых ламп и электронных пушек рассеянного фокуса, позволявших герметичной кабине примерно семнадцать минут в сутки находиться вне полей разложения и окисления материалов.

Этого небольшого периода идеального времени хватало, чтобы оператор — уродливый комбинаторный канзас Шенон — успевал перехватывать трафик банковских учреждений половины города, несмотря на то что те использовали практически неперехватываемую систему квантовой связи.

Скопировать данные из канала квантовой связи было невозможно, но только не для Шенона. Он родился с серьезными отклонениями, и даже продвинутая имперская медицина готова была сдаться перед столь страшными мутационными изменениями. Однако кто-то подсказал экспериментальную методику, которую и решили испытать на обреченном младенце.

Несчастный перенес множество операций, больше необходимых исследователям, чем самому пациенту. Где-то его безжалостно усекали, где-то что-то подшивали, пытались заменить родные коды на биологическую программную коррекцию.

Спустя годы, как и следовало ожидать, это привело к плачевным результатам — жизнедеятельность ослабленного детского организма уже невозможно было поддерживать, и его решили отключить от искусственных функциональных систем, дав всего несколько часов в качестве шанса на чудо.

И это чудо случилось: несчастный выжил, вырос в казенном заведении для инвалидов и приобрел возможности, о которых иные ученые люди даже не слышали.

Но за этим казенным домом присматривала одна из криминальных организаций — в благодарность за участие в становлении личности ее босса.

Босс искренне помогал воспитанникам заведения и от него не ускользнули отчеты о странностях «совсем уже пропащего» молодого канзаса.

И теперь Шенон работал на босса, щедро окупая все потраченные на него деньги.

Одним из его талантов было копирование данных из квантовой связи, не нарушая целостности ее потоков, а также вскрытие кодов, которыми на всякий случай абоненты закрывали пересылаемую информацию.

Не всегда съём информации из сверхсекретных магистралей был необходим для планирования каких-то больших акций вроде взлома хранилища криптовалют или опустошения бункеров с реальными ценными металлами. Основную часть получаемой через Шенона информации босс холдинга «Элеватор» использовал для контроля финансовых организаций, которые платили ему «за охрану», и многократно удивлял их своей осведомленностью, когда обвинял партнеров в «крысятничестве».

В дверь постучали, и босс Эрнандо Ориенти ударил пальцем по клавише пульта мультисканового устройства, позволявшего смотреть сквозь стены.

Силуэт, костный скелет с пластиковой вставкой в некогда простреленной берцовой кости, частота пульса и температура тела — все это обличало его второго помощника, Луиса

Конвертера, который приходил к нему с ежедневным докладом.

— Это я — Луис, сэр, — сказал Луис.

— Вижу, — отозвался босс и разблокировал дверь из фасеточной стали.

Эти меры предосторожности были совсем не лишними: примерно раз в полгода главе холдинга «Элеватор» пытались нанести визит киллеры.

Луис прошел к столу босса и сел на стул, который стоял не слишком близко и не слишком далеко от стола — именно там, где должен находиться стул второго помощника.

С одной стороны, помощник был лицом доверенным, но с другой — с того места, где он находился, нельзя было совершить нападение одним прыжком. Требовалось еще перебирать ногами, но тогда включался подрыв пиропатронов, поднимавших перед нападавшим экран из пуленепробиваемой панели.

— Говори, с чем пришел, Луис.

— Сэр, Шенон перехватил очень интересную информацию...

— Продолжай, — кивнул босс.

— Помните Лефлера?

— Как я могу забыть этого мерзавца? Сначала он сыграл покорность, а потом слил куда-то к главным копам всю нашу бухгалтерию. Хотел бы я посмотреть на того, кто не запоминает таких обид, малыш. Странно, что ты задаешь мне такие вопросы.

— Я не хочу вас этим задеть, сэр. У меня всего лишь информация от Шенона.

— И что же это за информация, если ты задаешь мне такие вопросы, сынок?

— Отчеты, сэр. Скучная статистика, но там упоминается одна персона...

— И что же это за персона?

— Мне неловко это говорить, сэр.

— Хватит уже кривляться, Луис, мое терпение не бесконечно.

— Там упоминается Лефлер...

— В каком смысле упоминается?

— Лефлер покупает себе одежду, сэр.

— Лефлер покупает себе одежду? Ты в своем уме, Луис? Из него сделали решето, о чем сообщили все желтые газетенки города. Это было записано в долбаных бумажках долбаного полицейского Управления, и наши копы подтвердили это.

— И тем не менее, сэр. У меня тут в файле вся информация.

И Луис шевельнулся, подняв папку под внимательным взором дюжины замаскированных в стеновых панелях камер. Резких движений здесь делать было нельзя.

— Не нужно, я верю, — сказал босс, делая короткий жест рукой, и по его лицу пробежала тень.

Луис осторожно опустил папку и стал ждать. Он видел, что босс погрузился в тяжелые раздумья, ведь это было сообщение чрезвычайной важности.

— Значит, наш партнер был с нами не до конца честен?

— Видимо, так, сэр.

— Это после стольких-то лет работы?

— Возможно, это какой-то фокус копов, сэр.

— Копов? — босс усмехнулся. — Они у нас такие деньги получают, что смешно представить, что решатся на какой-то фокус.

— Это может быть Имперская Служба Безопасности.

Босс вздохнул. Да, это могла быть ИСБ. Иногда ей удавалось доставлять криминальным

структурам немалые неприятности. ИСБ была очень закрытой структурой, и забраться в нее не получалось — все назначения туда подтверждались только из Метрополии.

Кроме того, штат ИСБ в городе был малочисленный, и лишь когда готовились большие операции, перебрасывали достаточно сил из других регионов. Однако, к счастью для босса, из-за тщательности подбора штата ИСБ не располагала достаточными силами, чтобы перекрыть финансовые потоки криминального холдинга Эрнандо Ориенти, да и других боссов тоже. Поэтому они были готовы отдать какой-то кусок «империалам», как их здесь называли, чтобы те, одержав свою локальную победу, отчитались перед начальством и исчезли на какое-то время с территории криминальных холдингов.

Второй помощник терпеливо ждал, а босс продолжал раздумывать. Да, ситуация вполне могла оказаться подставной, и тот, от кого он приказал избавиться, теперь был жив и здоров.

Возможно, это была намеренная демонстрация — оскорбление для босса, а может, просчет «империалов» — они сделали работу и, отчитавшись перед начальством, отбыли, бросив временную агентуру на произвол судьбы, оттого те теперь и прокололись.

— Однако помимо ИСБ здесь должен быть замешан и исполнитель, — сказал наконец босс и посмотрел на второго помощника.

— Так точно, сэр.

— Получается... — Босс поерзал в кресле, выбирая более удобное положение, и приводные механизмы настройки застрекотали, предлагая ему множество запомненных ими удобных поз, в которых босс проводил достаточно долгое время. — Получается, что наш исполнитель скинул выдуманный отчет, и мы его оплатили. Журналистам сбросили какое-то дерьмо «империалы», и все закрутилось, так?

— Так точно, сэр. Информационная атмосфера сложилась именно такая, будто дело сделано.

— Что ты предложишь в такой ситуации, Луис?

— Я? Мне... — второй помощник растерялся, ведь это был вопрос для первого помощника Дрейдена, и если он, Луис, ответит на него, то навлечет на себя гнев Дрейдена, а это могло закончиться пулей в оконное стекло квартиры, где жил Луис.

С другой стороны, этот вопрос от босса мог являться проверкой, чтобы разобраться, готов ли Луис подняться на следующую ступеньку.

— Сэр! Я считаю, что исполнитель должен ответить! — заявил Луис, решив рискнуть.

— А если он не виноват?

— Рано или поздно история достигнет ушей наших врагов, сэр, и они сумеют воспользоваться этой информацией. И даже если после проверки исполнитель окажется не виноват, вас все равно объявят мягкотелым и негодным для управления холдингом. Это первый и самый простой ход.

— Согласен с тобой, Луис. Но ты же помнишь, кто наш исполнитель?

— Я... могу произнести его имя вслух?

— Только здесь и только сейчас, Луис...

— Тулло-Ящер.

— Да, Тулло-Ящер, — подтвердил босс и вздохнул. Тулло был давнишним исполнителем и лучшим из всех, кто работал на холдинг. Тулло был не просто лучшим, но феноменальным. У него не подпрыгивала винтовка, не дергался пулемет. Каким-то образом он умел так управлять своим телом и оружием, что все пули летели в «десятку». Даже если их двести восемнадцать, как в стандартном магазине армейского пулемета.

Тулло не зря называли ящером. Его лицо выглядело страшновато — такая морда подошла бы змее или ящерице, но никак не гуманоиду, к которым относились и варвары, и суперколверы, и канзасы с гоберли.

Но это были лишь внешние впечатления — первые, во время редких знакомств заказчиков и исполнителя.

Многие из них желали получить о нем как можно больше информации, однако лишь

немногим удавалось узнать что-то сверх того, что он сам о себе рассказывал. А уж о том, что температура его тела не превышала двадцати восьми градусов, не знал никто — Тулло носил специальный тепловой костюм, который при сканировании выдавал стандартную тепловую картинку. Ну а отдельные аномалии — руки или шея — никого особенно не напрягали: подобный «недогрев» встречался у многих представителей гуманоидов.

Тулло жил затворником, задания получал через публичную сеть, оплату — наличными чаками через курьерскую службу, для которой всякий раз выдумывал хитроумные схемы, чтобы никто не мог быстро вычислить место передачи.

Пару раз босс Эрнандо прибегал к шпионским средствам вроде электронных закладок в пачки чаков или сопровождения курьеров целой флотилией микродронов.

Но закладки выгорали от токов высокой частоты, которыми их потчевал Тулло, а флот микродронов вдруг терял связь с базой и ориентацию в пространстве, и дорогостоящие «электронные стрекозы» сыпались на проезжую часть, где их с хрустом размалывали проносившиеся автомобили.

Босс неоднократно встречался с Тулло, когда появлялась особая и дорогостоящая работа, в конце концов он не мог давать такие задания тому, кого никогда не видел, и Тулло понимал, что иногда личных контактов избежать невозможно. Однако он появлялся у резиденции словно из ниоткуда и так же в никуда исчезал, выходя из нее.

По крайней мере, так это видела система наблюдения и безопасности — ее мультидатчики внезапно отключались и пребывали в шоковом состоянии, а когда приходили в себя и перезагружались сохраненными копиями софта с сервера, объект наблюдения был уже далеко.

Казалось, он был неуловим. Да, таковым он и являлся для всех, у кого не было такого оружия, как Шенон.

Шенон не мог видеть и чувствовать Тулло, однако он был на короткой ноге с зашифрованными потоками данных, которые струились по толстым оптическим кабелям, извиваясь, перекодируясь, выходя в твердые копии и дожидаясь в архивных хранилищах.

Шенон видел с помощью сотен тысяч городских датчиков и камер наблюдения, чтобы достаточно оперативно реагировать на все смены обличья Тулло, которые тот предпринимал, чтобы сбить с толку следящие системы.

И театральный грим тут стоял не на первом месте.

Тулло владел искусством перевоплощения в совершенстве — меняя походку и даже, казалось, рост.

Ни один полицейский оператор, отслеживая съемку, не смог бы опознать его, вдруг вышедшего из магазина в виде бойкого гоберли. А потом, проскочив через бар, Тулло вываливался с заднего крыльца пьянчугой-варваром.

Для обычного полицейского оператора вычисление такого мастера было нерешаемой задачей, однако Шенон действовал иначе: он обрабатывал множество информационных каналов слежения, успевая анализировать их все разом, а потому вычислял Тулло, какое бы обличье тот ни принимал.

Также вычислить Тулло могли и полицейские операторы, но лишь спустя время, когда данные были переработаны на серверных мощностях полицейского Управления. И — через неделю. Или через двое суток, если у задачи высокий приоритет. А Шенон делал это мгновенно, поскольку ему помогали вживленные электронные имплантаты.

Так удалось выяснить, где находятся лежки Тулло, квартирой или жильем места его

обитания назвать было нельзя.

Когда босс Эрнандо впервые получил видео этих берлог, он был в шоке. Какой смысл получать гонорары в сотни тысяч чаксов и прозябать в такой дыре?

Какое-то время Эрнандо даже думал прекратить сотрудничество с Тулло, ведь тот был ему непонятен. Однако другие киллеры были не столь умелы, и привыкший к высококачественным услугам босс был вынужден вернуться к Тулло.

В конце концов сам он почти все детство прожил на свалке упаковочной тары возле одного из складов. И у него имелось несколько нор, куда можно было сбежать от полиции, конкурентов — злобных беспризорников с соседнего склада, но самое главное — от охотников за органами, которые были куда лучше оснащены, чем полиция, и более простимулированы.

Одним словом, босс понял Тулло и принял его образ жизни. На тот момент ему было известно уже о трех десятках временных берлог, в которых Тулло появлялся очень редко.

Кое-что про Тулло знали боссы и других холдингов. Не так много, как Эрнандо, но тоже немало. Тулло брал заказы со всех сторон, и никто не хотел поручать важную работу неизвестно кому. Как-то Эрнандо даже предложил работать лишь на него, пообещав платить столько, сколько Тулло зарабатывает со всех сторон, но тот лишь криво усмехнулся и отклонил это предложение.

Тулло хотел быть свободным, и боссу Эрнандо это тоже было понятно — он был уверен, что киллер от такого предложения откажется. В конце концов он и сам часто ловил себя на мысли, что тоскует о том времени, когда он в лохмотьях и полуголодный обитал в нагромождениях подгнивших ящиков и был абсолютно свободен. Мог сняться со своего места и, отмахав тысячи километров по железной дороге, оказаться в другом городе — где потеплее или где небо выше. Тогда ему все это было важно и он не был отягощен гигантским штатом исполнителей, сотнями тайных счетов с миллиардными накоплениями. Недвижимостью, которую никуда нельзя было подвинуть. Одним словом, иногда босс Эрнандо тосковал о своем голодном, но свободном детстве.

Эрнандо отпустил Луиса и какое-то время сидел молча, обдумывая сложившуюся обстановку. Да, возможно, Тулло тут и ни при чем, но враги любую мягкость Эрнандо могли тотчас истолковать как неспособность управлять холдингом.

Тут только дай слабину — и тотчас ввяжешься в парочку городских войн. А война — это всегда проигрыш, независимо от того, победил ты или проиграл, ведь помимо участников за ней наблюдали и нейтральные стороны, которые были готовы разорвать ослабевших в драке конкурентов.

В конце концов рука Эрнандо коснулась одной из клавиш на компактном терминале.

— Слушаю, сэр... — отозвался дежурный.

— Бертолетто ко мне.

— Слушаюсь, сэр.

Бертолетто был «звездой» личного парка ликвидаторов в холдинге. Он и раньше проявлял отличные стрелковые способности, а когда босс предложил ему поднять планку — пройти программу ускорения, тот с радостью согласился.

Процедура вживления ускоряющих чипов позволяла в разы поднимать скорость мышечной реакции.

Процедура была дорогостоящая, и многие стрелки, служившие в холдингах, мечтали о ней, но предлагалась она именно тем, кто был по-настоящему талантлив.

Однако не все ускоренные стрелки оправдывали вложения. Но Бертолетто оправдал. Он хорошо зарекомендовал себя в ликвидациих среднего уровня и городских боях, когда приходилось скрещивать мечи с холдингами конкурентов.

Еще двое ускоренных стрелков остались на этом уровне, а Бертолетто босс предложил следующую программу. На этот раз еще более дорогую — мышечного усиления. Она была в десять раз дороже предыдущей и включала в себя усиление скелета титанитовыми накладками, позволявшими выдерживать нагрузки, впятеро превышавшие пределы непрокачанного бойца.

Помимо этого вживлялись дополнительные пучки искусственной мышечной ткани, дополненной наностимулирующими датчиками.

Одним словом, из обычного гоберли получилась сверхскоростная боевая машина, позволявшая стрелять, как взвод подготовленных солдат.

Казалось бы, зачем при таком раскладе боссу какой-то Тулло? А затем, что Бертолетто прекрасно стрелял по видимым мишеням, вызывая восторг зрителей, однако он не мог так тонко просчитать появление и поведение жертвы, как правило, имевшей целый штат охраны, чтобы в финале поразить ее одним выстрелом, иногда совершенно беззвучным.

Вскоре Бертолетто появился в приемной, охранявшейся электронными охранниками — другим босс Эрнандо не доверял с той поры, когда к нему вдруг заявили трое абонентов и принялись фаршировать титанитовыми пулями его 3D-макет.

— Привет, дружок, — поприветствовал Эрнандо своего лучшего и самого дорогого стрелка, на которого пришлось потратить почти миллион чаксов.

— Приветствую вас, сеньор, — ответил стрелок и поклонился, как требовали традиции двадцатилетней давности.

Технологии поддержания высокой степени реакции требовали, чтобы проработанные

стрелки чувствовали свое время немного медленнее, чем оно текло на самом деле. А потому из-за принимаемых препаратов Бертолетто отставал от реального времени, и с годами это отставание только увеличивалось.

После того как он сел, босс помедлил еще немного и сказал:

— Для тебя есть работа.

По лицу Бертолетто скользнула улыбка, которая тотчас исчезла.

— И не просто работа, а задание чрезвычайной сложности.

— Я все сделаю, сэр. Все, что вы прикажете, — заверил стрелок.

— Ты должен подобрать себе команду, эта работа не для одного.

— Мы начинаем войну?

— Нет, цель единичная.

— Тогда я справлюсь сам, сэр! — горячо заверил Бертолетто, и на его прежде каменном лице теперь отразилось множество эмоций.

В углах приемного зала шевельнулись приводные механизмы гравитационных пушек.

В обычном бою они были малопригодны из-за высокого рассеивания импульса, однако для дистанции в несколько метров это было лучшее оружие, которому были нипочем даже жидкостные бронежилеты скрытого ношения.

И потом гравитационная пушка с настроенным импульсом могла просто глушить злоумышленников, поскольку к ним, как правило, у босса Эрнандо были еще вопросы.

— Я ценю твою готовность работать для общего дела, Берт. И ничуть не сомневаюсь в твоих способностях, но клиент весьма скользкий, и чтобы тебе не бегать без толку по всему городу, лучше набрать команду.

— И какую же команду вы порекомендуете набрать, сэр?

— Думаю, тебе будет нужно не менее двадцати бойцов.

— Двадцати, сэр? — поразился Бертолетто.

— Двадцати, ты не ослышался.

— Настолько серьезный клиент?

— Увы, — ответил босс и вздохнул. Меньше всего ему хотелось устраивать все это именно сейчас, когда дела требуют его личного присутствия в нескольких местах. А пока будут искать Тулло, он не мог и носа показывать из своей сверхзащищенной резиденции.

Однако бизнес есть бизнес: принял решение — значит, нужно его исполнять.

— Возьми ребят из роты охраны. Там найдется с десяток хватких бойцов — я их сам отбирал, остальных возьми из нашего специального резерва. Тебе они, конечно, не ровня, но все же лучше, чем простые стрелки.

— Я понял, сэр, и готов приступить немедленно.

— Приступай, Бертолетто.

Стрелок поднялся и направился к двери.

— Берт! — окликнул его босс. Тот обернулся.

— А почему ты не спрашиваешь имя клиента?

— Полагаю, мне предоставит полный файл первый помощник Дрейден.

— Да. Но я скажу тебе сам. Твоя цель — Тулло-Ящер.

Босс намеренно назвал это имя сейчас, чтобы посмотреть на реакцию своего стрелка. И она была.

Шевельнулись желваки, по форсированным мышцам пробежала судорога.

— Все в порядке?

— Да, сэр. Я могу идти?

— Иди, Берт.

Накануне вечером Брейн сумел разобраться со старинным механизмом, оставшимся от прежних жильцов. Это оказался будильник. Он работал без электричества, как какой-нибудь старый пистолет, а вместо батарейки имелась пружина, которую нужно было заводить.

Брейн не нуждался в будильниках: он просыпался в то время, которое сам себе назначал, но испробовать машинку было интересно, и утром она застрекотала, отстав от точного времени всего на пару минут.

Сунув ноги в домашние туфли, Брейн заправил кровать по-армейски, вместо того чтобы убирать постель обратно в шкаф. Так ему было привычнее.

Потом отправился на кухню, отмечая, что от силуэтов монстров на стенах и потолке остались только неясные разводы.

Освещение автоматически загоралось при его перемещении по квартире, и ему это не нравилось. Он отключил на главном распределителе эту функцию и начал сам включать и выключать освещение.

В большой комнате стоял большой пакет. Его Брейн принес сам, хотя в магазине настоятельно рекомендовали доставить покупки курьером на адрес. Но Брейн отказался, чем вызвал удивление своих новых коллег — Григора и Боршинга.

— Может быть, потом я так и буду делать, — пояснил он. — А пока мне так спокойнее.

В пакете были гражданская одежда, белье, всякие гигиенические придамбасы и кое-что из еды — в основном консервы.

Была возможность купить какие-то фруктовые имитаторы, но Брейн пока не решился. Он знал, что большие изменения притупляли восприятие в новой обстановке, а это вынуждало делать больше ошибок, что в его положении новичка было непозволительно. Ведь он совсем еще не знал здешних порядков. Разумеется, неформальных.

Осмотревшись в ванной, Брейн разобрался с многоцветными трубками, подводящими воду и водозаменитель. Трубки проходили через прибор учета, на экране которого в реальном времени отражались расход и его стоимость.

Брейн поочередно испробовал подачу холодного и теплого водозаменителя, а затем холодную и горячую воду.

— Однако, — покачал он головой, заметив, как шустро счетчики переводят литры в деньги. Впрочем, Брейн все же решился принять водяной душ, но под конец — после основной процедуры, а вначале помылся водозаменителем.

И тут была еще одна особенность — для мытья водозаменителем имелись специальные средства. И это были не бальзамы, гели и всякие прочие жидкости, а спреи, подающие пыль! Да, разноцветную пыль в зависимости от марки моющего средства.

[Купить полную версию книги](#)